

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

13

**МОСКВА
2012**

Главный редактор: д.и.н. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н., доц. О.И. Елисеева,
к.и.н. И.Ю. Гагарина (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н., проф. С.И. Реснянский,
д.и.н., проф. Б.А. Ручкин

На обложке: Богородица Оранта. Мозаика Софийского собора в Киеве. XI в.

Историческое обозрение. Вып. 13. М.: Изд-во НИБ, 2012. — 72 с.

Тринадцатый выпуск ежегодного альманаха Историко-просветительского общества включает научные работы по истории, историософии, истории культуры.

© Авторы статей, 2012

Издательство Национального института бизнеса

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5/1, к. 6

Подписано в печать 14.05.2012. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алексеев С.В., Плотникова О.А. Легитимизация власти на начальных этапах христианизации Восточной Европы	4
Инков А.А. Легкая пехота Александра Великого: токсоты и агриане	15
Туманов О.Н. Становление и развитие феномена заграничного путешествия русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX – начале XX в.	25
<i>Лекторий</i>	
Реснянский С.И. Русский религиозный раскол	40
<i>Эссе</i>	
Володихин Д.М. Две Москвы	53
<i>Критика</i>	
Алексеев С.В. Гибель империи в зеркале слова	62
Володин И.А. Малые страны в большой политике	62
Сведения об авторах и аннотации статей	69
Правила представления рукописей авторами	72

С.В.АЛЕКСЕЕВ, О.А.ПЛОТНИКОВА
ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ВЛАСТИ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Обращаясь к истории Древнерусского государства на ранних этапах его становления, мы сталкиваемся с малоизученной проблемой легитимизации власти первых русских князей в обществе и легитимизации самого государства в системе мировых координат. Очевидно, что проблема легитимизации власти напрямую связана с проблемой государственности и в связи с этим представляет большой исследовательский интерес. Понятие «легитимизация» в современной его трактовке — обоснование политических прав, либо политической самостоятельности, политических действий, управленческих решений существующими законами и общественным признанием. Возникает закономерный вопрос — на чем же основывалась легитимизация власти в исторический период, когда писаных законов на Руси не существовало? Вероятно, что в тот период основанием легитимности могли служить определенные традиции. А с появлением единой религии источником для обоснования власти и властвования русских князей (иноземного происхождения) стал комплекс религиозных произведений, в первую очередь, Библия. Именно Библия в различных ее формах и фрагментах бытовавшая на Руси, в совокупности с хрониками, патериками и физиологами, послужила основой для создания Толковой Палеи. Последняя же наряду с Библией стала тем основополагающим источником, из которого летописцы черпали параллели и аналогии для обоснования правомочности власти правящих князей.

Мы оставим за скобками проблему легитимизации власти в догосударственный и дохристианский период, так как этот вопрос является предметом отдельного исследования. Постараемся обозначить проблему, являющуюся краеугольным камнем истории государственности нашего Отечества, — соотношение теории власти и религиозного идеала.

Стоит отметить, что проведенное исследование построено на стыке двух исследовательских парадигм. Первая — классическая исследовательская парадигма, строящаяся на комплексе источниковых данных. Вторая парадигма сосредоточена на исследовании «другого средневековья», где, в первую очередь, анализу подвергаются субъективные механизмы — такие, как традиции, ментальность, идеология, верования.

К сожалению, ранние этапы распространения христианства и истории Церкви в Древней Руси довольно мало представлены на страницах письменных памятников. Поэтому для научного воссоздания правдивой исторической картины необходимо полноценное привлечение археологических данных. Процесс христианизации Древней Руси проходил тяжело и достаточно долго. При этом христианизация происходила как сверху — в княжеско-дружинной среде во время походов в Византию и русско-византийских переговоров, так и снизу — в среде русских купцов и их челяди, находившихся в христианских странах. Распространение христианства снизу, как правило, относят к первой четверти IX в. Только с середины IX в. раннегосударственная власть включается в этот процесс открыто и зримо. Именно к этому времени можно отнести начало взаимопроникновения христианских и языческих идей о природе власти.

В становлении теории монаршей власти в Византии и в славянских государствах имелось одно принципиальное отличие, внимание на которое обращается сравнительно нечасто. В Византии власть императора зиждилась, в конечном счёте, на античных традициях возвеличения «достойного». Обожествление государей, восходящее к «восточной» составляющей эллинизма и воспринятое почти в карикатурной форме Римом,

жёстко отторгалось первыми христианами. Сколь бы ни стремились византийские василевсы подчеркнуть духовную природу своей власти — венчанием на царство, ритуальным смирением подданных в придворном церемониале, приобретением права входа в церковный алтарь, — эта природа далеко не безоговорочно принималась Церковью и обществом.

Стоявший на рубеже христианской и языческой эпохи император Константин уже сразу после смерти пользовался высоким почитанием в среде христиан — но это было признание его персональной святости, а не сакральной природы его власти как таковой. Именно персональные достоинства Константина воспевает первый апологет его канонизации Евсевий Кесарийский¹. С другой стороны, для языческого автора даже второй половины IV в. Константин (как и некоторые другие христианские императоры) «причислен к богам»². В народной (в том числе в христианской) среде эти представления ещё могли сливаться — перед статуями Константина будто бы уже в IV в. молились «о предотвращении бедствий», сопровождая это не только лампадным курением, но и жертвами. Факт в то время вызывал недовольство образованных христиан, давая повод для обвинений противников по богословским спорам в язычестве³.

Несмотря на то, что обряд помазания царей имеет прообраз в ветхозаветной истории, в раннее средневековье он известен только на «варварском» Западе. В Византии происходило тогда лишь венчание на царство, существенно отличающееся пока от библейских описаний, и появилась эта традиция только в V в. Образ власти избираемых синклитом или государем-предшественником «достойнейших» не отождествлялся в массовом сознании с образом власти наследных царей древнего Израиля. Характерно, что ещё в VII в. историк Феофилакт Симокатта в поисках идеального прообраза императора Ираклия обращается к античному богу Гераклу⁴, а не, например, к царю Давиду. Речь, заметим, именно о том государе, который сделал решительные шаги к преобразованию римской империи-«Республики» в настоящую монархию «эллинистического» типа. Именно Ираклий окончательно меняет официальный язык на греческий, и сам становясь из римского «императора» царем («василевсом») и самодержцем («автократом»).

Византийская учительная литература VII-IX вв. склонна обосновывать царскую власть именно личными достоинствами ее носителя, да и вообще больше говорит об обязанностях царя, чем о его правах по отношению к подданным. Вернее, права прямо проистекают из должного выполнения обязанностей, причём к «монашескому возрождению» IX в. значимость этой стороны царского призвания в глазах образованных людей возрастает⁵. Идеалом этого времени становится симфония светской и духовной власти, воплощенных в фигурах сильного императора и сильного патриарха, совместно обеспечивающих гармонию социального организма.

Формированию такого взгляда, несомненно, способствовала катастрофическая потеря легитимности императорской власти в глазах масс образованных верующих во время религиозных распрей VII — первой половины IX в. Это подтверждает обращение к такому важнейшему источнику по истории этого периода, как «Хронография» Фео-

¹ Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С.316-372; Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

² Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские историки IV в. М., 1997. С.68.

³ См.: Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV-V вв. М., 2007. С.197.

⁴ См.: Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С.3-4; Бибииков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996. С.49.

⁵ Подробный разбор памятников этого жанра см. в книге: Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990.

фана Исповедника⁶. Феофан почитает благочестивых царей старины, начиная с Константина, которого даже называет по античной традиции «божественным», — но это никак не сказывается на отношении к царскому сану как таковому и близким по времени императорам. Последние оцениваются безразлично или чаще — негативно. Некоторые из них могут сравниваться явно и неявно с персонажами Библии и житий, но лишь чтобы оттенить их нечестие (например, иконоборец Константин V — с царем Соломоном). Высшее происхождение любой власти — аксиома для христианина — не оспаривается, конечно, но доказывается, что реально известные автору государи в основном не исполняют долг «Божьего слуги». Противление нечестивой власти, пусть в основном мирное, Феофан однозначно оправдывает. Говоря об этом, важно иметь в виду, что его труд стал основой всей, в том числе вполне официальной исторической литературы IX-X вв., как образец, источник или база для продолжения.

В то же время именно в эти века, с утверждением Аморийской, а затем Македонской династии — первой сравнительно прочной династии в Византии, к тому же восточного происхождения, — идея сакрализации империи начинает развиваться. Правда, оправдывается она не столько с опорой на библейскую традицию, сколько — вполне в духе языческой древности — на благородство крови. Василий, основатель династии, объявляется потомком древних армянских и иранских царей. Его наследники кичатся своей родословной перед местными узурпаторами и зарубежными монархами. Особенно последовательно эти идеи проведены в трудах императора Константина VII, недаром прозванного (точнее, прозвавшего себя) «Порфирогенитом», «Багрянородным»⁷.

На этом фоне такие примеры, как энкомий патриарха Фотия императору Михаилу III, где он почти прямо сравнивается с Моисеем и Соломоном⁸, или скрытое сравнение тем же Константином своего деда с самим Богом, насадившим Эдемский сад⁹, видятся как исключения на общем фоне. Оба примера, что характерно, касаются храмо-строительства — самой «религиозной» из всех явных сфер императорской деятельности.

Итак, мы видим довольно парадоксальную ситуацию. При всем близком к абсолютному характере власти византийских императоров, при всех внешних «царских» ее атрибутах, при тесных связях государства и Церкви целостной концепции легитимности власти на христианской почве Византия до X в. ещё не выработала. В богоцентричном пространстве византийской мысли поиск легитимности политической власти занимал второстепенное место. С одной стороны, это можно объяснить дискредитацией императорского достоинства вследствие религиозных смут. С другой, однако, — наследием античных республиканских традиций. Наследием, которого были лишены славянские племена.

Осознание обществом новой монархической природы власти у славян происходило на совершенно иных основаниях. Христианству предшествовало язычество первобытное, где наследственные уже вожди (князья) сохраняли все черты реально и искренне признаваемых священных фигур, посредников между богами и человеком. Это не имело ничего общего с искусственным и вымученным обожествлением эллинистических царей или римских императоров. Более того, именно верховное право вождя су-

⁶ См.: Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань, 2005; Бибииков М.В. Указ. соч. С.57-61; Каждан А.П. История византийской литературы (650-850 гг.). СПб., 2002. С.284-304.

⁷ См.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С.91-146; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

⁸ Василик В.В. Десятая гомилия патриарха Фотия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. №1-2. 2009. С.185-194.

⁹ Продолжатель Феофана. С.137.

дять о божественном облегчало христианизацию славянских земель. Ясно выраженная князем религиозная воля становилась законом (по крайней мере, в момент ее произнесения), что мы видим, например, в случае крещения Киева при Владимире.

Однако это же вело к проникновению в политическую жизнь и идеологию многих элементов былого, к стремлению обосновать прежнюю по сути сакральность власти уже новыми средствами. Во многом было здесь и неизбежное стремление обосновать сам факт существования молодых государств на мировой арене. Если мысль Византии, за плечами которой была тысячелетняя история античного мира, уже могла сосредоточиться на высшей реальности, то даже богословская мысль славянских государств оставалась государственноцентричной, находясь в поисках смысла бытия своей страны или своего народа.

Показательна в этом смысле Болгария. Источников, позволяющих анализировать легитимизацию власти болгарских раннесредневековых князей и царей, немного, но они есть. Прежде всего, совершенно очевидно, что правители Болгарии вовсе не стремились отказываться от обоснования своей власти через языческих, в том числе славянских предшественников. В этих целях на славянский язык переводится созданный в VIII в. «Именник болгарских ханов», возводящий их преемственность к Аттиле¹⁰.

Византийская концепция обязанностей государя перед Богом и подданными была попросту прямо дана Болгарии — в рамках сохранившегося до нас выдающегося памятника византийской политической мысли, послания патриарха Фотия князю Борису¹¹. Однако собственно болгарское богословие пошло по другому пути, более подчеркивая безусловное величие и богоустановленность власти своих государей. Именно на болгарской почве едва ли не раньше, чем в самой Византии, мы видим возрождение на христианской почве самостоятельного жанра панегирика здравствующему правителю. Яркие похвалы царю Симеону включены в созданный для него Изборник (протограф русского Изборника 1073 г.) и в чисто, казалось бы, богословский труд — Шестоднев Иоанна Экзарха. У последнего Симеон прославляется как непосредственный вершитель Божьей воли на земле; дворец царя сравнивается с Божьим Небом, а сам он, таким образом, — с Богом, как его земное подобие и посредник¹². У автора похвалы из Изборника, с другой стороны, Симеон — «новый Птоломей», однако опять же в совершенно христианском контексте, с отсылкой к преданию о переводе по приказу египетского царя Библии, сопоставляемом с трудом составителей¹³.

Последовательное подчеркивание божественной природы власти «великого в царях» имеет свое объяснение в истории болгарской государственности и Церкви. С первых лет они утверждали себя в постоянном противоборстве с Византией, которая рассматривала христианизацию Болгарии лишь как первый и не самый желательный шаг в возможной реконкисте Фракии и Мезии. Понимая это, болгарские князья пытались использовать временно мирные отношения для достижения церковной независимости. Именно нежелание Константинополя предоставлять автокефалию Болгарской церкви стало одной из причин ожесточенного конфликта при царе Симеоне. Последний использовал весь оказавшийся у него в руках инструментарий христианизированной имперской идеологии для вызова Византии. Не удовлетворившись полученным из Константинополя титулом кесаря, который и до него с VIII в. давался время от времени болгарским правителям, он, трактуя «кесарство» по-славянски, объявляет себя в 893 г. «царем» — императором. Так было положено начало «царистским» амбициям славян-

¹⁰ Именник на българските ханове. София, 1981.

¹¹ Чичуров И.С. Указ. соч. С.33-66.

¹² Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001. С.655-656, 679, 785-786.

¹³ См.: Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. М., 2000. С.26-27.

ских правителей, но Симеон мыслил себя именно императором всего Востока, «болгар и ромеев». Этот титул был принят им в 917 г. — и тогда же, тем же церковным собором, утверждена независимость болгарской церкви.

Любопытное переплетение христианских, еретических и языческих представлений находим мы в «Апокрифической летописи» XI в.¹⁴, вышедшей из среды сектантов-богомиллов. В этой фантастической, смешивающей предания и религиозно-политические вымыслы картине истории Болгарии соседствуют: основание Болгарского государства самим пророком Исайей, который и ставит болгарам первого «царя»; языческий миф о рождении хана Аспаруха от коровы; представление о вторичности Византии по отношению к Болгарскому царству (достигаемое через странное отождествление Константина VII с Константином Великим). Многие христианские цари прославляются как «святые». Впрочем, прославляются, собственно, практически все, и болгарские, и греческие, понимаемые как законные их преемники. Цель всей этой фантастики одна — в условиях греческой оккупации утвердить первичность «болгарской» веры (подспудно приравненной к богомилству) перед «греческой», православной. Следует помнить, что как раз в XI в. богомилы всерьез рассчитывали обратить византийских императоров¹⁵.

Таким образом, уже на болгарской почве в образованной христианской (и еретической) среде сложились вполне прочные представления о богоподобности и святости праведной монаршей власти. В системе координат болгарских богословов царская власть оправдывается не столько личными качествами ее носителя, сколько происхождением этой власти — как плотским (от правивших предков), так и духовным (от Бога). При всей известной скудости литературы Первого Болгарского царства кажется, что критика современных правителей в ней вовсе отсутствовала. Любопытно, что богомилская летопись восхваляет даже гонителей богомиллов, а рьяного их преследователя Петра величает святым.

Византийские и болгарские политические теории, накопленные к X-XI вв., были тем идейным багажом, который достался в наследство русской княжеской власти после окончательного принятия ею христианства. В литературе отмечалось, что институт княжеской власти на Руси воспринимался изначально не столько как политическое, сколько как сакральное явление. При этом идея власти связывалась не столько с конкретным человеком, сколько с княжеским родом в целом¹⁶. С принятием христианства в эту мифологическую картину вплетается воспринятая из библейских текстов через византийское посредство идея «богоустановленности власти». Соответствующие фрагменты Писания становятся весьма популярны среди древнерусских книжников.

Способов обретения власти, причем вполне «законного», было, как нам известно, несколько: избрание, которое постепенно эволюционировало в наследование, приглашение на «стол», завоевание, договор, посажение. Для нашего исследования особый интерес имеет такая форма, как «посажение». Если рассматривать данную форму применительно к христианскому периоду на Руси, то рассматривать проблему легитимизации через христианизацию необходимо, начиная с вокняжения на престоле Владимира I. Владимир сажает своих сыновей на различные русские земли: «Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотыске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершему же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани»¹⁷. Не раз отмечалось, что данный акт закреплял положение князя в Киеве и упрочи-

¹⁴ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 273 след.

¹⁵ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.

¹⁶ Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 67

¹⁷ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 121.

вал власть Рюриковичей над Русью, приводя в гармонию интересы правящего рода в целом и его главы.

Легитимизация власти «посаженных» сыновей Владимира отчетливо проводится в «Повести временных лет». В ней, как известно, многие описания жизнедеятельности русских князей тесно коррелированы с жизнедеятельностью ветхозаветных и новозаветных прототипов. Так, под 988 г. в летописи находим список двенадцати сыновей Владимира с указанием их княжений; имеется также указание на дочь Передславу. Возможно, что летописец «подгонял» список сыновей Владимира под ветхозаветное повествование о двенадцати патриархах, которые после смерти их отца — Иакова должны были управлять миром единобожников. Таким образом, мы получаем иносказательное обоснование легитимности власти сыновей Владимира. Также из ветхозаветного повествования известно, что у Иакова была дочь Дина, — таким образом, упоминание в летописи дочери Владимира — Передславы вполне уместно. Здесь надо учитывать, что в X в. древнерусское общество уже впитало в себя христианскую традицию. Летописец, стараясь изобразить общество времен Владимира в реалиях той эпохи, полагал библейские параллели вполне обоснованными, именно так подчеркивая «богоизбранность» княжеской власти. Если по «легенде» летописца Владимир — Иаков, а его двенадцать сыновей — двенадцать патриархов, то в соответствии с ветхозаветным писанием роду их принадлежит Земля обетованная, в нашем случае — земля Русская.

В связи с этим образы русских князей, запечатленные русскими летописцами интересны нам еще и тем, что их описания дают некоторое представление о проблеме становления и укрепления христианской религии на Руси, а также о динамике вовлеченности Древнерусского государства в мировую христианскую ойкумену.

Возвращаясь к фигуре самого Владимира, стоит заметить, что князь не по праву занял Киев, убив брата Ярополка, посаженного отцом. Эта проблема была решена с помощью политики «посажения» сыновей князя в землях русских, при помощи которой Владимир пытался утвердить власть на все земли русские за своим родом в обход закона старшинства. Однако власть Владимира нуждалась в легитимизации в обществе. Свообразным обоснованием княжения и политических решений князя стали позднее созданные произведения — «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона¹⁸ и «Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха¹⁹. Как отмечает А.В. Назаренко, «Похвала князю Владимиру» составлена на основе довольно поздней компиляции и относится, очевидно, к XI в. Однако в ней присутствуют и более древние составляющие²⁰. Названные сочинения Илариона и Иакова призваны были легитимизировать власть и властные деяния князя Владимира в общественном сознании.

В Повести временных лет Владимиру неявно, а то и открыто, придаются черты различных библейских и житийных персонажей — Измаила, Иакова, Соломона, Константина. При этом было бы опрометчиво сводить подобные параллели только к средневековому литературному этикету, как это делал Д.С. Лихачев²¹. Д.С. Лихачев сводил подобные находки в летописном тексте к узости мышления средневекового летописца, к тяготению его к библейским штампам, к традиционности средневековой литературы. Обозначал он данный литературный стиль как «монументальный историзм». Мы, напротив, убеждены в том, что данные параллели позволяли современному читателю

¹⁸ Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати // Памятники литературы Древней Руси. Т. 12. М., 1984. С.583-616.

¹⁹ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008. С.417-434.

²⁰ Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 117.

²¹ См: Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1979. С. 11-12; Лихачев Д.С. Великий путь. М., 1987. С. 30-33.

того времени шире посмотреть на проблему власти и государственности, и распознать основание властвования.

Особенно важно выделить соотнесение Владимира с образом Константина Великого. Оно влекло за собой более глубокое (и достаточно дерзкое для средневековой мысли) сопоставление самой Руси с сакральными центрами христианского мира. Учение о перемещениях земных воплощений «Нового Иерусалима» было достаточно распространено в средние века²². Однако к X в. для восточных христиан он однозначно соотносился с Константинополем — также и «Вторым Римом», сердцем обновленного христианского империиума. Об этом, конечно же, после крещения узнали и на Руси. Однако Иларион (кстати, первый русский на киевской митрополии) производит довольно смелое сопоставление Владимира и его бабки Ольги с Константином и Еленой. Последние принесли из старого Иерусалима Крест Господень — как Владимир и Ольга принесли его из Нового Иерусалима, основанного Константином «Царьграда»²³.

Иерусалим, в свою очередь, отождествлялся в христианской традиции с Высшим — небесным Иерусалимом, сам Высший Иерусалим (как известно из апокрифического сказания «Сон Левия») находился на 7-м небе, где пребывала великая Слава и Святая Святых. На 6-м небе находились ангелы и лица Господня, служащие и молящие Господа о грехах. На 5-м небе — ангелы, доносящие ответы до ангелов лица Господня. На 4-м небе — святые престолы и власти, приносящие хвалу Господу. На 3-м небе — силы, воинство, устремляющееся в день Суда мстить коварным Духам врага. На 2-м небе — огонь, снег, лед, готовые для повеленья Господня о дне праведного Божьего Суда, на нем все духи, посылаемые для мести людям. На 1-м небе — нижнем — печаль, печально небо оттого, что видит все людские неправды²⁴.

По убеждению Р. Пиккио, идея о богоизбранности Руси начинает формироваться при Ярославе Мудром²⁵. Таким образом, организацию городского пространства Киева и особенно организацию Храма по подобию организации в Иерусалиме и Константинополе можно трактовать как претензию на возведение Киева в статус Нового Иерусалима. Подтверждением данной точки зрения может служить надпись на своде Софийского собора, вокруг изображения Богоматери Оранты («Нерушимая Стена» в русской традиции): «Бог посреди нее, и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра»²⁶. Постараемся раскрыть смысл данного изречения. Для этого отметим взаимосвязь понятий: «София», «Богоматерь», «город» и, наконец, «стена».

Надпись содержит, как известно, стих 45-го псалма (Пс.45: 6), начинающийся словами: «Бог посреди нее/него» (то есть посреди города Иерусалима). Итак, здесь речь идет о Граде Божьем. «Она» в данном случае — гора Синайская — культовый центр Иерусалима, место расположения Храма.

Христианизация Руси и в целом проблема принятия новой веры осложнялась еще и вопросом о формах установления церковной иерархии и политической зависимости от того христианского центра, где можно было бы получить иерархию. Вопреки укоренившейся точке зрения о том, что русские епископства построены по образу и подобию византийских епископств, между ними существует ряд серьезных отличий. Русские епархии, прежде всего, возникали, в отличие от византийских²⁷, далеко не в каждом городе, и их границы, как правило, совпадали с границами удельных княжеств.

²² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. СПб., 1999. С.75.

²³ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. С.594.

²⁴ Палея Толковая. М., 2002. С. 268-269.

²⁵ Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 50.

²⁶ См.: Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. Т.6. М.: Наука, 1972. С. 25-49.

²⁷ См.: Павлов А.С. Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева лавра, 1902. С. 473-474

Епархии утверждаются почти исключительно князьями, и здесь очевидна тесная связь светской и церковной власти.

Особенностью Византийской империи (характерной и для других средневековых государств) была недифференцированность в ней светской и духовной культуры, светской и духовной власти. Церковь имела светскую власть в той же мере, как государство обладало властью духовной. Религия освящала власть; сам император рассматривал себя как главу всех христиан. Церковь же считалась «училищем законодательства», что хорошо раскрывается в грамоте Иоанна Кантакузина 1347 г. великому князю Симеону Ивановичу. Византийцы надеялись, что вновь обращаемые христиане станут со временем гражданами Римской империи²⁸.

Стоит подчеркнуть, что момент для объявления христианства государственной религией Киевской Руси был выбран Владимиром как нельзя более удачно. Положение византийского императора Василия Болгаробойцы было чрезвычайно опасным: на севере Василий, жестоко опустошив Болгарию, попал в западню и потерпел поражение (986 г.); на востоке против него поднял бунт византийский полководец Варда Фока (987 г.). Именно в это время, по наиболее достоверным сведениям арабских историков Яхьи Антиохийского (ум. 1066 г.) и Абу Шоджи Рудраверского (ум. 1095 г.), Василий Болгаробойца просит у Владимира военной помощи. Это обращение и позволило Владимиру вступить в состав христиан-ромеев на наиболее выгодных для себя основаниях. В частности, чтобы быть по возможности в равных отношениях к императору, Владимир ставит одним из условий помощи женитьбу на сестре Василия.

Однако отношения государственной власти с Византией наладились не сразу. Высказывалось предположение, что уже Владимир I долгое время и неудачно добивался от Византии автокефалии. Но так и не получив ее, князь предпочел обратиться в патриархат Западной Болгарии, которая не претендовала на вселенское распространение своей государственной и церковной власти и не угрожала политическим подчинением. В этом случае церковное управление на Руси до 30-х годов XI в. было организовано при помощи болгарского охридского архиепископа. Последний во время крещения Владимира был еще независим от константинопольского патриарха²⁹.

Возможно, что именно расхождения Руси с Византией привели к тому, что последняя отгородилась от Киева «печенежскою ратью без переступа». Она вынудила Владимира усилить оборону границ, прибегая к помощи «мужей» из далекого северного края (так появляются в дружине киевского князя финские «мужи», например Чудин).

При этом установление христианства на Руси сопровождалось многочисленными конфликтами, Киевская Русь долго отстаивала старую веру, — так, летопись отмечает несколько восстаний под руководством волхвов.

Как бы то ни было, утвердившееся на Руси христианство было теснейшим образом связано с византийской культурой во всех ее проявлениях, начиная от римских законов и кончая византийскими костюмами и прической. По-видимому, первые монастыри и церковные иерархи вступали во внешние отношения на основе обычного византийского права и традиции. Очень быстро церковные власти приобрели право решения некоторых гражданских и уголовных дел и стали политическими советниками князя.

Светские притязания церкви, и в частности вмешательство ее в законодательство (Церковный Устав) и управление, участие в экономической жизни страны (торговля монастырей, ремесла), владение землей, — вводили на русской почве византийские

²⁸ См.: Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X-XI вв. М., 1977; Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI — XII вв. М., 1960; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991.

²⁹ См.: Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2003; Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1999.

обычай. Отчасти перенесенными оказались и сами представления о светской власти. Русские князья, начиная с Владимира, воспринимались в общественном сознании посредством церковной проповеди и в средневековой литературе одновременно государями своих подданных на земле и их покровителями и заступниками на небе.

Очевидно, что огромное значение в осмыслении значения княжеской власти имела символика власти, также заимствованная из Византии. Яркий пример тому — это заимствованные названия — «Золотые ворота», «собор св. Софии». Описанная выше мозаика с изображением Богоматери-Оранты из Софийского собора создана по аналогии с мозаиками в храмах Иерусалима и Константинополя.

После смерти Владимира Мономаха и раздела его земель между сыновьями наступает новая междоусобная война. Она послужила толчком такому хорошо известному в истории явлению, как удельная раздробленность, и значение Византии в жизни распадающегося Киевского государства теперь заметно уходит в тень.

Прежние попытки того или иного киевского князя искать сближения и союза с западными соседями и через них с соперником Византии — Римом являлись безрезультатными и кратковременными. Исторически и географически той же Европе нужен был русско-византийский торговый путь. Но в XII в. положение резко изменилось. В среде русских княжеств произошли изменения, приведшие к образованию двух противоборствующих коалиций, причем на стороне Византии оказались Галич и Суздаль, а киевский Изяслав и черниговские князья стояли против Византийской империи, за союз с Венгрией.

Однако к этому времени сильнейшие княжества середины XII в. — Киевское, Переяславское и Черниговское пришли в упадок, уступив свое значение Ростово-Суздальскому и Галицко-Волынскому княжествам. Киевский князь полностью утратил прежний статус великого, в связи с чем отдельные русские княжества могли свободно вести свою самостоятельную международную политику.

Обоснование прав княжеской власти на Руси в христианскую эпоху выстраивалось на пересечении разносторонних влияний. С одной стороны, вполне в духе болгарских образцов, на почве сходных дохристианских представлений о священности власти, в литературе и искусстве проводится мысль о сверхъестественной ее природе. Пантеон языческих богов-прообразов земного князя естественно заменяется при этом «пантеоном» библейских и житийных образцов, которым уподобляется современный или недавний правитель. Библейский принцип происхождения власти от Бога получает новую интерпретацию, более близкую, кстати, к тогдашней западноевропейской, чем к византийской.

С другой стороны, однако, византийские учительные тексты об обязанностях правителя, критичная к несправедливой власти богословская и историческая литература тоже были известны Руси. Известная независимость подчинённой патриархату Церкви от князей, существование мощных автономных от светской власти духовных центров, вроде Киево-Печерской лавры затрудняли использование духовенства в чисто политических целях.

В итоге политическая концепция домонгольской Руси, если брать ее в целом, обрела «компромиссный» характер. Священной и предопределенной свыше признавалась сама русская государственность и власть правящего Русью рода, потомков святого Владимира. При этом следует отметить, что династия Рюриковичей уже в первые века своей истории дала Церкви больше святых, чем какой-либо другой правящий европейский род той эпохи. Но каждый конкретный представитель рода призывался Церковью и образованным обществом ревновать о своей святости сам. Отношение современников к не оправдавшим доверия более чем суровое. Никакого почтения к княжескому сану как таковому не чувствуется в грозных филиппиках летописцев и церковных писателей

по адресу князей эпохи раздробленности. Монгольское же нашествие обрушило авторитет княжеской власти до крайне низкого уровня. Епископ Семен не стеснялся в XIII в. определять несправедливого князя «во ад» лицом к лицу³⁰. До первого русского царя, огнем и железом навязавшего обществу иные представления о правах и природе светской власти, оставалось ещё три столетия.

Литература

- Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. Т.6. М.: Наука, 1972. С. 25-49.
- Анна Комнина. Алексиада. СПб.: Алетейя, 1996.
- Бибииков М.В. Византийская историческая проза. М.: ИВИ РАН, 1996.
- Василик В.В. Десятая гомилия патриарха Фотия // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. №1-2. 2009. С.185-194.
- Вернадский Г.В. Киевская Русь. М.: Аграф, 1999.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. СПб.: Университетская книга 1999.
- Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.
- Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М.: Издательская группа «Labarum», 1998.
- Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские историки IV в. М.: РОС-СПЭН, 1997.
- Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София: Наука и искусство, 1970.
- Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати // Памятники литературы Древней Руси. Т. 12. М.: Художественная литература, 1984. С.583-616.
- Именник на българските ханове. София: Издателство на Отечествен фронт, 1981.
- Каждан А.П. История византийской литературы (650-850 гг.). СПб.: Алетейя, 2002.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
- Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л.: Изд. ЛГУ, 1991.
- Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X-XI вв. М.: Наука, 1977.
- Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI — XII вв. М.: Изд. АН СССР, 1960.
- Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1979.
- Лихачев Д.С. Великий путь. М.: Современник, 1987.
- Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.
- Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Наставление тверского епископа Семена // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 3. М.: Художественная литература, 1981. С.464.
- Павлов А.С. Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева лавра, 1902.
- Паля Толковая. М.: Согласие, 2002.
- Пиккио Р. История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002.
- Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 1: Лаврентьевская летопись.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб.: Наука, 1992.

³⁰ Наставление тверского епископа Семена // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 3. М., 1981. С.464.

- Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2003.
- Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. М.: Наука, 2000.
- Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.
- Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань: Александрия, 2005.
- Феофилакт Симокатта. История. М.: Вика-пресс, 1996.
- Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV-V вв. М.: РОССПЭН, 2007.
- Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М.: Наука, 1990.
- Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетейя, 2001.

А.А. ИНКОВ
ЛЕГКАЯ ПЕХОТА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: ТОКСОТЫ И АГРИАНЕ

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов, связанных с определением численности, этнического состава, организации, тактических приемов ведения военных действий, а также места и роли отрядов пеших лучников и агриан в армии македонского царя Александра Великого.

Об участии лучников и метателей дротиков в боевых действиях македонской армии в период царствования отца Александра Великого Филиппа II в источниках не сохранилось никаких сведений. Тем не менее, по-видимому, именно в правление этого выдающегося царя было создано несколько сильных отрядов легкой пехоты. Основное предназначение последней сводилось к борьбе на поле боя с вражеской легкой пехотой и прикрытию уязвимых мест и тыла собственной тяжелой пехоты. Наряду с этим, Филипп активно привлекал легкую пехоту вместе с конницей к организации небольших рейдов, когда необходимо было обмануть противника или пройти в труднодоступную местность. Характеризуя тактические приемы македонского царя, афинский оратор Демосфен отмечал, что «Филипп проходит, куда ему угодно, не с помощью войска гоплитов, но окружив себя легковооруженными – конницей, стрелками, наемниками – вообще войсками такого рода»¹. При этом, в отличие от армий греческих городов-государств, в которых численность лучников редко превышала несколько десятков или сотен человек², македонский царь располагал достаточно многочисленным контингентом токсотов, которые тесно взаимодействовали на поле боя практически со всеми родами македонского войска: фалангой, пельтастами, гипаспистами, тяжелой и легкой конницей.

После гибели Филиппа II в 336 г. до н. э. новым царем Македонии становится его сын Александр. К началу его правления в войсках насчитывалось около 2000 лучников и метателей дротиков. Считается, что тех и других было примерно поровну, то есть 1000 лучников и столько же метателей дротиков. Организационно токсоты делились на два соединения. Каждый отряд токсотов насчитывал около 500 человек и имел своего особого командира токсарха (toxarchos)³. Кроме того, лучники делились по этническому признаку. В первом отряде служили стрелки, которые являлись македонянами по происхождению, во втором – критяне. Последние при этом считались лучшими лучниками в Греции⁴. Из каких районов Македонии были набраны македонские токсоты – не вполне ясно, однако, можно предположить, что скорее всего это были области Верхней Македонии, где население традиционно занималось охотой и отгонным скотоводством. Македонские токсоты почти наверняка служили в армии на постоянной основе. Критяне же скорее всего были наемниками, но набирались они из дружественных Македонии городов Крита⁵.

В период царствования Филиппа II значительная часть македонской вспомогательной пехоты стала набираться из северобалканских народов: фракийцев и иллирийцев. Большая часть образованных ими подразделений состояла из метателей дротиков и пельтастов, хотя нельзя исключать, что часть воинов могла быть и пращниками. Наиболее известным соединением во вспомогательной пехоте Александра были агриане. По сообщению Фукидида, агриане жили по реке Стримону (совр. Струма в Болгарии) между горами

¹ Dem., IX.49.

² Несмотря на то, что лук был хорошо знаком грекам, широкого распространения в военном деле он не имел, поскольку еще со времен Гомера рассматривался как оружие недостойное настоящего мужа, а само название лучника считалось бранным (См. напр.: Iliad. IV, 242; XI, 385). Греческие военачальники предпочитали нанимать в качестве легкой пехоты подразделения пращников и метателей дротиков, считая их более «ценными» бойцами.

³ Sekunda N.V. McBride A. The Army of Alexander the Great. Osprey, 1984. P. 35.

⁴ Thuc., VI.25.2; 43.2

⁵ Sekunda N.V. McBride A. Op. cit. P. 35.

Гем и Родоны⁶. Являясь одним из многочисленных фракийских племен, агриане тем не менее враждебно относились к остальным фракийцам, что предопределяло их союзнические отношения с македонскими царями. Агриане и пеоны были подчинены македонянами во время фракийских войн царя Филиппа II. Однако неизвестно, были ли включены воины из этих племен в состав македонской армии отцом Александра Великого или это произошло уже в царствование его сына. Во время похода Александра во Фракию в 335 г. до н. э. между македонским царем и царем агриан Лангаром был заключен союз⁷, который, по-видимому, был скреплен передачей в распоряжение Александра отряда агрианских щитоносцев. Кто был командиром этого подразделения в балканских войнах Александра не вполне ясно. В период персидской кампании агриане были отданы под начало македонца Аттала, сына Андромена. В 335 – 334 г. до н. э. численность этого элитного подразделения в македонской армии составляла примерно 1000 человек.

Весной 334 г. до н. э. большая часть токсотов, приняла участие во вторжении Александра в Персию. Правда, перечисляя войска, участвовавшие в переправе через Геллеспонт, источники (за исключением Диодора) не упоминают среди них лучников. По данным же этого античного автора, в походе участвовало 1000 агрианских лучников⁸. Однако, большинство историков сходятся во мнении, что агриане были аконтистами, то есть дротикометателями⁹. Поэтому, обычно считают, что Диодор объединил в один отряд два подразделения, воевавшие вместе – вооруженных дротиками агриан и токсотов. Тех и других было примерно поровну, то есть по 500 человек в каждом отряде¹⁰. Так как в македонской армии было как минимум два соединения токсотов, можно полагать, что в войне с Персией Александр первоначально предполагал задействовать только один отряд лучников. Второй отряд токсотов был оставлен в Македонии и присоединился к действующей армии в следующем году. Из 1000 агриан во вторжении в Малую Азию приняло участие одно соединение, численностью в 500 человек. Примерно столько же агриан было оставлено Александром наместнику Антипатру в Македонии.

В битве при Гранике в составе македонской армии приняло участие по одному отряду лучников и агриан. Судя по тому, что при осаде Галикарнасса командир лучников Клеарх назван среди прочих убитых в сражении военачальников Александра не последним из македонцев¹¹, очевидно, действовавшее в войске царя подразделение лучников состояло из этнических македонян. Следовательно, критские стрелки были оставлены в Македонии.

Уже первые сражения Восточной кампании показали, что персидские войска предпочитают сражаться метательным оружием, в связи с чем перед македонскими военачальниками встала задача обеспечить собственную тяжеловооруженную фалангу и конницу дополнительной «огневой» защитой. Это вынудило Александра срочно увеличить в своей армии численность лучников и метателей дротиков. Уже в 333 г. до н. э. вместе с македонскими токсотами в сражении при Иссе принял участие отряд критских лучников¹². В это же время численность агриан была увеличена до 1000 воинов¹³.

⁶ Thuc., II.96.3.

⁷ Arr. An., I.5.2.

⁸ Diod., XVII.17.

⁹ Sekunda N.V. Op. cit. P. 36.

¹⁰ Hammond N.G.L. The battle of the Granicus River. JHS. Vol. 100. 1980. P.182.

¹¹ Arr. An., I.22.7.

¹² Curt., III.9.9.

¹³ Н. Секунд и А. Макбрайд считают, что число агриан, пришедших в качестве подкреплений из Греции в армии Александра накануне битвы при Иссе составляло 1000 человек / Sekunda N.V., McBride A. Op. cit. P. 36. Если прибавить их к имевшимся 500 агрианам, перешедшим вместе с Александром в Азию весной прошлого года, получится, что в битве при Иссе сражалось около 1500 воинов из этого племени. По сообщению Курция Руфа, в битве при Гавгамелах кроме пеших агриан сражался также отряд каких-то конных агриан. В отличие от пехотинцев, вооруженных дротиками, агрианские конники имели на вооружении еще и мечи,

Несмотря на большие потери, которые понесли лучники в начале персидского похода (при осаде Галикарнаса и в Писидии погибли сразу два командира токсотов), их численность в македонской армии в 333 – 331 гг. до н. э. продолжала возрастать. После завоевания Александром Египта в качестве гарнизона в этой провинции было оставлено 600 критских стрелков¹⁴. Другой отряд критских лучников участвовал в битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э.¹⁵ Таким образом, если в начале Восточной кампании Александр располагал всего одним соединением критских токсотов, то спустя три года в македонской армии было уже два подразделения этих стрелков. Численность македонских лучников, по-видимому, в течение этого времени оставалась прежней. В сражении у Гавгамел участвовало одно их соединений, хотя Н. Секунда и А. Макбрайд считают, что их могло быть два. Аргументом в пользу этого, по мнению историков, служит указание источников о том, что македонскими лучниками в данной битве командовал Брисон¹⁶, который ранее не упоминается в текстах. Однако следует отметить, что последние ничего не говорят об участии в битве при Гавгамелах одновременно нескольких соединений македонских лучников. По данным Арриана и Курция Руфа в битве принимало участие всего два подразделения лучников. Оба из них были сосредоточены на правом фланге перед конницей гетайров. Одно из этих соединений Арриан прямо называет македонскими лучниками, а говоря о втором, Курций Руф указывает, что оно состояло из критских стрелков¹⁷. Скорее всего, Брисон возглавил македонских токсотов после гибели при осаде Галикарнаса их прежнего командира Клеарха и в этом качестве командовал единственным македонским соединением лучников в битве при Гавгамелах.

В конце 331 г. до н. э. в Ситтакене Александр предпринял ряд организационных изменений в войсках. Делившиеся до этого на таксисы (численностью в 1500 человек) отряды тяжелой пехоты были разделены на более мелкие подразделения – хилиархии (от перс. – «тысяча»), каждый из которых получил своего отдельного командира. Последние назначались царем не по знатности происхождения, как прежде, а в соответствии с их воинскими заслугами. В это же время была реформирована и конница. Неразделенные прежде илы в кавалерии были разделены на две эскадрона (лоха), каждое из которых получило своего собственного командира. Одновременно было ликвидировано деление войск по племенам и городским округам¹⁸.

Обычно принято считать, что преобразования македонского царя в Ситтакене коснулись только элитных частей – конницы гетайров и фаланги. Однако, вероятно, какие-то реформы были проведены и в других родах войск, в том числе среди токсотов. В пользу такого вывода говорит то обстоятельство, что с конца 331 г. до н. э. античные авторы больше не упоминают деление лучников по этническому признаку на македонян и критян. А уже в индийском походе спустя четыре года лучники оказываются организованы так же, как и тяжелая пехота по хилиархиям¹⁹. Хотя в период между реформой в Ситтакене и походом в Индию царем Александром в армии было проведено еще несколько преобразований (например, реформа конницы в Бактрии в 329 г. до н. э.), с большей или меньшей вероятностью можно предполагать, что новая организация лучников была введена, скорее

которыми они «рубя (персов, окруживших Александра), не заставили наступающих обратиться против них самих» / Curt., IV.13.21.

¹⁴ Arr. An., III.5.6. Справедливости ради следует отметить, что Арриан об этнической принадлежности этих лучников не сообщает. То, что это были критяне можно определить на основании того, что их командирами были Антиох и Омбрион, оба критяне по происхождению. Известно, что критские лучники служили под командованием своих собственных военачальников, которые, как правило, принадлежали к одной национальности с рядовыми воинами.

¹⁵ Curt., IV.13.31.

¹⁶ Sekunda N.V., McBride A. Op. cit. P. 35.

¹⁷ Arr. An., III.12.2; Curt., IV.13.31.

¹⁸ Arr. An., III.16.11; Curt., V.2.6. См. также: Sekunda N.V. *The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia*. Malden; Oxford; Chichester, 2010. P. 452.

¹⁹ Arr. An., IV.24.10.

всего, одновременно с появлением хилиархий в фаланге, то есть в конце 331 г. до н. э. Что касается подразделения агриан, то их организация, по-видимому, не претерпела существенных изменений.

О причинах, подтолкнувших Александра к проведению реформы в Ситтакене, в источниках не сохранилось никаких сведений. Наиболее предпочтительной нам представляется точка зрения А. С. Шофмана о том, что эти преобразования были связаны прежде всего с коренным изменением военной и политической стороны сущности походов Александра после победы над персидским царем. «Армия Дария была разбита и рассеяна. Время больших сражений прошло. На смену им пришла малая война с особой, свойственной ей тактикой, которая требовала и нового руководства войском и другого войска. В новых условиях партизанской борьбы противников македонская фаланга нуждалась в большей гибкости и маневренности. В Средней Азии в борьбе с отличными конными отрядами бактрийцев и согдийцев тяжеловооруженная македонская фаланга не могла вообще найти применения – требовалась тактика разобщения войска на отдельные колонны при наступлении, которые, обладая различными видами оружия под руководством одного командира, могли бы опять собираться вместе»²⁰. Таким образом, замена таксисов более компактными хилиархиями была вызвана стремлением македонского царя в изменившихся условиях боевых действий повысить мобильность своих войск, создать подразделения, которые могли бы успешно решать стоявшие перед ними задачи в отрыве от основной армии. При этом, в отличие от фаланги, введение хилиархий среди лучников привело к укрупнению их соединений и, как следствие этого, к увеличению их ударной мощи. В целом, это также отвечало изменившемуся характеру войны, поскольку вместо тяжелой персидской конницы и пехоты македонянам приходилось теперь иметь дело с легкой согдийской и бактрийской кавалерией, вооруженной преимущественно метательным оружием.

Не вполне ясен вопрос о том, произошло ли разделение лучников по хилиархиям путем слияния прежних соединений, организованных по этническому признаку (критяне, македоняне), или в состав последних было включено большое количество новых стрелков из Балканской Греции, пришедших в виде пополнений. Всего Аррианом упоминаются две хилиархии лучников²¹. Однако неизвестно, какое количество воинов было в каждой хилиархии. Учитывая, что вплоть до окончания индийского похода, греко-македонские полки не смешивались с включавшимися в состав царской армии подразделениями восточных народов, можно лишь предполагать, что данные хилиархии стрелков по-прежнему состояли из этнических греков и македонцев. Восточные же стрелки, которых было во много раз больше чем греков, имели свою собственную организацию.

В ходе Восточных походов македонская армия активно стала пополняться отрядами воинов из покоренных стран. Первые соединения таких воинов появились в войске Александра вскоре после битвы при Иссе в 333 г. до н.э. Они состояли из воинов персидского царя, попавших в этой битве в плен и добровольно согласившихся воевать на стороне Александра²². Массовый приток восточных воинов в македонское войско начался после разгрома Персии и гибели последнего персидского царя Дария III Кодомана. В основном восточные контингенты были представлены легкой пехотой и конницей, а также конными и пешими стрелками из лука и дротикометателями. Среди народов и племен, выставивших свои вспомогательные отряды в войско македонского царя упоминаются бактрийцы, согдийцы, иранцы (персы), скифы, дахи²³. Большинство этих народов жили на северо-восточной иранской границе и являлись конными лучниками. Впервые дахейские конные лучники упоминаются при описании операций Александра в Северной Индии²⁴. В

²⁰ Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского // Вестник древней истории. 1972. №1. С. 180; Wilcken. Alexander der Grosse. В., 1931. Р. 132.

²¹ Arr. An., IV.24.10.

²² Arr. An., II.14.7.

²³ Шофман А. С. К вопросу о генезисе эллинистических армий (антитангма) // ВДИ. 1987. №3. С. 146.

²⁴ Tarn. Alexander the Great. P. 72.

битве с Пором они вместе с соединениями греческих пеших токсотов поддерживали атаки македонской конницы и фаланги против индийской кавалерии и слонов, но не были объединены в один отряд и бились порознь. Восточные подразделения использовали собственное оружие и собственные формы ведения войны. Поэтому их взаимодействие с македонскими и греческими войсками было затруднено, и Александру Великому, как главному вдохновителю и организатору своей разноплеменной армии, приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы заставить различные ее части действовать как единый организм.

Во время возвращения из Индийского похода в Персию Александр оставил всех бывших у него лучников, агриан, часть конницы, наемную греческую пехоту и конницу под командованием Леонната в Орах. Леоннату было приказано ждать на месте прибытия флота под началом Непарха, совершавшего плавание вдоль берегов Индийского океана, а до его подхода построить в земле оритов город и подчинить местных жителей македонской власти²⁵. По-видимому, после прибытия кораблей часть войск взошла на их борт и приняла участие в морском походе Непарха вдоль берегов Персидского залива к устью Тигра, где позже благополучно соединилась с пришедшей туда армией царя Александра²⁶. Вскоре Леоннат с оставшимися войсками также прибыл в Вавилон. После 324 г. до н. э. какие-либо сведения о греческих и македонских токсотах полностью исчезают из источников. Возможно, что после встречи с Александром в Опиде, часть лучников, непригодных к дальнейшей военной службе была отправлена царем вместе с 10000 других македонских ветеранов в отставку и возвратилась на родину²⁷. После ухода этих сил в хилиархиях лучников должно было остаться совсем немного воинов. Поэтому, скорее всего, они были расформированы, а входившие в них стрелки рассредоточены по окрестным городам в качестве гарнизонов. Примерно в это же время из источников исчезает упоминание и о агрианах. Оставались ли они в составе македонской армии или вместе с македонскими ветеранами были отпущены домой, неизвестно.

После возвращения в Вавилон, ставшего столицей его обширной империи, Александр Великий собирался начать новые завоевания, на этот раз на Западе. Не имея возможности пополнить свои войска этническими македонцами, царь стремился компенсировать их нехватку вербовкой новых контингентов восточных воинов. В 324 – 323 гг. до н. э. в македонскую армию было включено в общей сложности 50 000 персов, из которых около 30 000 составляли воины, вооруженные и обученные вести бой как македонские фалангиты, а остальные 20 000 – лучники и пращники²⁸. Кроме того, в армию были включены также коссеи и тапуры и другие воинственные отряды, набранные из соседних горных областей, вооруженные дротиками и луками²⁹.

Включение в македонское войско восточных отрядов подтолкнуло Александра в 324 г. до н. э. к проведению новой военной реформы. Наиболее радикальным ее воплощением стало реформирование фаланги. Подразделения лучников и метателей дротиков, сражавшиеся прежде отдельно от тяжелой пехоты, были теперь включены в состав фаланги. Из 16 рядов каждой боевой единицы фаланги только 4 остались македонскими – первых 3 ряда и последний. 12 остальных рядов должны были состоять из персов, вооруженных луками или дротиками³⁰. Основным результатом этих изменений должно было стать превращение фаланги в ударно-метательное подразделение, способное решать на поле боя широкий спектр задач. Однако воплотиться в жизнь реформе так и не было суждено. В

²⁵ *Arr. An.*, VI. 22.3.

²⁶ В труде Арриана «Индия» упоминаются действия лучников в составе флота Непарха (*Arr., Ind.* 28.3). Можно полагать, что это были стрелки из войска Леонната.

²⁷ *Arr. An.*, VII.12.1. По данным Юстина – 11 000 ветеранов. *Just.*, XII. 12.7.

²⁸ *Diod.*, 110.2.

²⁹ О тапурах как всадниках упоминает Арриан, описывая их участие на стороне персов в битве при Гавгамелах / *Arr. An.*, III. 8,4.

³⁰ *Arr. An.*, VII. 23. 3 – 4.

июне 323 г. до н. э. Александр Великий умер, и его преемникам стало уже не до проведения военных преобразований.

Как и большинство этнических подразделений македонской армии, токсоты имели собственных командиров, которые, как правило, принадлежали к той же национальности, что и рядовые солдаты. Во главе каждого соединения лучников стоял командир в ранге токсарха. Все подразделения лучников объединялись в отдельный корпус под командованием особого стратега.

Командиры токсотов (по Н. Секунде и А. Макбрайду³¹ и нашим исправлениям и дополнениям по источникам) были следующие:

1. Подразделения критских лучников:

- Эврибот (погиб при осаде Фив в 335 г. до н. э. вместе с 70 лучниками (Агг. Ап., I.8.4);
- Антиох (командовал лучниками в битве при Иссе в 333 г. до н. э. (Агг. Ап., III.9.2) и умер от болезни в Египте в 331 г. до н. э.) (Агг. Ап., III.5.6). О национальности Антиоха не сохранилось сведений. Однако судя по тому, что после его смерти расквартированных в Египте лучников возглавил критянин Омбрион, можно предполагать, что Антиох был его соотечественником;
- Омбрион (возглавил в 331 г. до н. э. после смерти Антиоха отряд из 600 токсотов в Египте (Агг. Ап., III.5.6). Дальнейшая его судьба неизвестна.

2. Соединения македонских лучников:

- Клеарх (погиб при осаде Галикарнаса в 334 г. до н. э.) (Агг. Ап., I.22.7);
- Брисон (командовал отрядом македонских лучников в битве при Гагамелах в 331 г. до н. э. (Агг. Ап., III.12.2). Больше нигде не упоминается. Возможно, погиб в этой битве.

3. Военачальники, командовавшие одновременно токсотами и другими подразделениями:

- Аттал, сын Андромена. В сражении у Гавгамел командовал половиной агриан и критскими стрелками (Агг. Ап., III.12.2; Curt. IV.13.31). В Средней Азии был заменен на посту командира агриан Тавроном и пошел на повышение, возглавив один из таксисов фаланги. В начале индийского похода был таксиархом, а затем триерархом – командиром небольшого отряда кораблей.
- Ситалк. Происходил из фракийского царского рода Одриссов. В армии Александра командовал отрядами фракийской пехоты. В битве при Иссе осуществлял общее командование критскими лучниками и фракийцами сначала на левом фланге, а затем был переведен вместе со своими войсками на правое крыло (Агг. Ап., II.9.3). Позднее был назначен стратегом Мидии. Казнен царем Александром в 324 г. до н. э.

Стратеги токсотов:

- Клеандр (погиб в Писидии в 334 г. до н. э. (Агг. Ап., I.28.8).
- Таврон. В индийском походе в битве при Гидаспе упоминается Аррианом как «начальник лучников» (Агг. Ап., V.14.1).

Командиры агриан:

- Аттал, сын Андромена. Командовал отрядами агриан в 334 – 330 г. до н. э. В Сузианне был заменен Тавроном.
- Таврон. Возглавил отряд агриан в Сузиане в 330 г. до н. э. (Curt. V. 3,6). В индийском походе был назначен стратегом лучников.

³¹ Sekunda N.V., McBride A. Op. cit. P. 35 – 36.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что токсоты в армии Александра были вооружены национальным оружием. Экипировка критских лучников включала характерную головную повязку, колчан с клапаном, сегментовидный лук, меч и небольшую бронзовую пельту³² – легкий серповидный щит, который носился на руке таким образом, что позволял им сражаться в ближнем бою и не мешал стрелять из лука. О вооружении македонских токсотов сведений не сохранилось, однако следует думать, что оно ничем не отличалось от греческих стрелков. По мнению ряда историков, македонские токсоты, как и критяне, носили на руке бронзовую пельту³³, но это не подтверждается источниками. Согласно Арриану, по крайней мере, часть лучников (скорее всего это и были как раз македоняне), не имела щитов³⁴. Описывая участие лучников Александра в бою, античные авторы указывают, что последние были «совсем легко вооружены»³⁵ и имели «плохое снаряжение»³⁶, что можно понять как то, что токсоты вообще были лишены какого-либо защитного вооружения. В связи с этим, по-видимому, в ходе любого сражения достаточно остро стояла проблема обеспечения стрелков защитой как против метательных снарядов, так и против прямых атак на них пехоты и конницы противника. Как правило, эта роль возлагалась на отряды щитоносцев, которые действовали в одной связке с токсотами. О том, что могло произойти с лучниками, не имевшими прикрытия, указывает приводимый Аррианом эпизод из осады македонянами Фив в 335 г. до н. э. В разгар сражения перед городом критские стрелки из армии Александра увлеклись преследованием фиванцев и оторвались от прикрывавшей их пехоты. Увидев это, «фиванцы повернули с криком, и у македонцев началось бегство. Пал начальник лучников, критянин Эврибот, и человек 70 лучников, остальные добежали до македонской агемы и царских щитоносцев»³⁷. Как видим, легковооруженный лучник был легкой добычей для вражеских гоплитов и всадников. Кроме того, необходимо иметь в виду, что персидские лучники, вооруженные композитным луком, превосходили греческих и критских стрелков в дальности стрельбы³⁸. Поэтому токсоты могли успешно противостоять варварам только в том случае, если выступали в бою против них вместе с другими легковооруженными войсками – пращниками и метателями дротиков³⁹. Не случайно за все время восточных походов токсотам фактически ни разу не поручалось проведение самостоятельных войсковых операций.

Большинство историков сходятся во мнении, что агриане относились к легкой пехоте и являлись метателями дротиков. Каждый агрианский аконтист был вооружен двумя или тремя дротиками, а также мечом. Из защитного вооружения агриане имели небольшой щит-пельту и шлем. О том, как выглядели агриане, по мнению ряда историков, свидетельствует изображение македонских воинов с так называемого «саркофага Александра Великого», который хранится в настоящее время в Стамбульском археологическом музее. Одна из фигур на его стороне, посвященной как предполагается битве при Иссе, идентифицируется как аконтист (по мнению, Н. Секунды и А. Макбрайда – агрианин). Согласно предпринятой реконструкции, агриане не имели доспехов и шли в бой обнаженными, имея из одежды лишь плащи. По данным английских историков, цвет плаща мог быть пурпурным или красным, как у гетайров⁴⁰, что подчеркивало элитный статус их носителей в македонской армии. На ногах легких пехотинцев могли быть надеты башмаки.

Сражение с участием легкой македонской пехоты выглядело следующим образом. При столкновении с противником первыми вступали в бой пращники. Опытный воин мог

³² Sekunda N.V. *The Ancient Greeks*. Osprey, 2000. P. 45.

³³ Sekunda N.V., McBride A. *Op. cit.* P. 36.

³⁴ Arr. An., I.2.5.

³⁵ Arr. An., I.28.5.; Kurt., III.9.9.

³⁶ Arr. An., III.18.5.

³⁷ Arr. An., I.8.4.

³⁸ Kcen. Anab., III.3.7.

³⁹ Arr. An., I.20.5; II.4.3; II.5.6; III.12.3; IV.2.3; VI.2.2; VI.6.1; Kurt., III.9.9. В отдельных случаях лучники также тесно взаимодействовали с конницей и гоплитами / Arr. An., III.23.2.

⁴⁰ Sekunda N.V., McBride A. *Op. cit.* P. 20.

метнуть свинцовый снаряд весом до 50 г. на расстоянии около 350 метров. Затем наступала очередь лучников, которые могли поражать противника уже на расстоянии 100 – 150 метров. Последними, перед самым ударом фаланги, на противника бросались метатели дротиков⁴¹.

В греческих армиях лучники и пельтатсты обычно располагались во время сражения перед фронтом и по бокам фаланги, защищая наиболее уязвимые места тяжелой пехоты. В македонском войске подобное расположение токсотов отмечается источниками лишь дважды. В первой случае это произошло во время балканской кампании Александра, когда в сражении с фракийцами стрелки были выстроены впереди фаланги с целью прикрыть ее от метательных снарядов противника⁴². В сражениях Восточной кампании токсоты и агриане выстраивались обычно всегда на правом фланге⁴³, который считался в македонском войске ударным. Здесь располагались лучшие войска во главе с самим царем, которые начинали главную атаку на противника. Перед битвой при Иссе лучники были выстроены первоначально на обоих флангах, но затем все переведены на правое крыло⁴⁴. В сражении у Гавгамел, где превосходство в численности персидских лучников над македонскими было подавляющим, стрелки вместе с остальной легкой пехотой были отведены во вторую линию македонского войска на фланги и выстроены таким образом, чтобы «весь строй укрепить наподобие круга»⁴⁵. И лишь в знаменитой битве при Гидаспе с индийским царем Пором македонские лучники снова были поставлены в центре по бокам фаланги⁴⁶.

Как правило, токсоты и агриане располагались на острие главного удара перед конницей гетайрой или царской агемой⁴⁷. С началом битвы лучники, пращники и метатели дротиков первыми атаковали врага⁴⁸. Осыпая ряды противника градом метательных снарядов, токсоты стремились подавить противостоявшие им вспомогательные войска неприятеля и прогнать их с поля боя, после чего старались нарушить строй его тяжеловооруженной пехоты и конницы. Вслед за этим легкая пехота отходила на фланги, уступая место кавалерии гетайров, которая во главе с царем атаковала противника. В ходе последующей битвы легковооруженные пехотинцы поддерживали наступающие войска стрельбой из луков, вели борьбу с вражескими лучниками и пельтастами, добивали раненых и одиноких вражеских воинов и брали сдающихся в плен противников. После сражения вместе с конницей и легкой пехотой лучники вели преследование разбитого и деморализованного врага.

Если в ходе первой атаки не удавалось подавить стрелков и легкую пехоту противника, токсоты и аконтисты отходили в тыл и на фланги собственной конницы и пехоты и, перестроившись, уже вместе с ними общими силами вновь атаковали врага. За весь период военных кампаний Александра токсоты только однажды потерпели поражение. Это произошло во время балканского похода по пути к Дунаю, когда местные племена напали на повозки впереди армии и смяли охранявших их критских лучников⁴⁹. О поражении агриан нет свидетельств. Эти войска довольно высоко ценились Александром за их боевые качества. Важную роль агриане сыграли в битвах при Гавгамелах и при Яксарте. Агрианские аконтисты всегда включались в состав войсковых колонн, которыми руководил Александр. По верному замечанию А. С. Шофмана, в отличие от других соединений македонской армии, агриане никогда не восставали, не роптали, не звали назад⁵⁰.

⁴¹ См.: Светлов Р. Войны античного мира: Походы Пирра. М., 2003. С. 52.

⁴² Arr. An., I.1.11.

⁴³ Arr. An., I.1.11; 14.1; 28.4; II.9.2; III.12.2.

⁴⁴ Arr. An., II.9.4.

⁴⁵ Kurt., IV.13.31.

⁴⁶ Arr. An., V.13.4; 22.6; Kurt. VIII.14.15.

⁴⁷ Arr. An., I.14.1; II.9.2; Kurt. III.9.9.

⁴⁸ Arr. An., I.6.10; IV.15.1.

⁴⁹ Tarn W. W. Hellenistic military and Naval Development. New York, 1966. P. 21 – 22.

⁵⁰ Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского С. 180

Помимо борьбы с легкой пехотой противника и поддержки атак собственных войск, токсоты и агриане решали на поле и вне поля боя широкий спектр других задач. Они охраняли армию на маршах⁵¹, удерживали переправы до подхода главных сил⁵², направлялись для захвата выгодных позиций⁵³, прикрывали развертывание войск перед битвой, охраняли лагерь⁵⁴. Токсоты и агриане участвовали в штурме городов и крепостей. Поддерживая градом метательных снарядов колонны атакующих, они сбивали со стен защитников, не давая им возможности вести прицельную стрельбу по штурмующим⁵⁵. Кроме того, вместе с другими легковооруженными войсками они отражали вылазки осажденных⁵⁶.

Легкое вооружение позволяло действовать лучникам и агрианам фактически в любых боевых условиях. Они были способны не только вести бой на равнине, но и успешно сражались в лесной и гористой местности. Кроме того, лучники привлекались в качестве морской пехоты к проведению операций македонского флота. Они участвовали в осаде Тира⁵⁷, боевых действиях македонского царя против засевших на островах Дуная варваров⁵⁸, плавании флота Неарха по Индийскому океану и Персидскому заливу.

Вместе с другими легковооруженными войсками лучники и агриане часто включались Александром Великим в состав мобильных отрядов для организации небольших походов в отрыве от основной армии. Как правило, каждый такой отряд состоял из половины конницы гетайров, гипаспистов, агриан, лучников и одного – двух таксисов фаланги.

Литература

- Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегреч. М. Е.. Сергеев. М.: Миф, 1993.
Арриан. Индия / Пер. с древнегреч. О. В. Кудрявцева // ВДИ. 1940. № 2.
Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М.: Художественная литература, 1967.
Демосфен. Речи: В 3 т. / Пер. с древнегреч. С. И. Радцига. М.: Памятники исторической мысли, 1995.
Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XVII / Пер. с древнегреч. М. Е.. Сергеев // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993
Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Отв. ред. А. А. Вигасин. М.: Издательство Московского университета, 1993.
Ксенофонт. Анабазис. Греческая история. / Пер. с древнегреч. М. И. Максимовой, С. Я. Лурье. М.: АСТ, 2010.
Фукидид. История / Пер. с древнегреч. Г. А. Стратоновского. М.: Ладомир; АСТ, 1999.
Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historianum Philippicarum». / Пер. с латин. А. А. Деконского, М. И. Рижского. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005.
Светлов Р. Войны античного мира: Походы Пирра. М.: АСТ, 2003.
Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972. №1.
Шофман А. С. К вопросу о генезисе эллинистических армий (антитангма) // ВДИ. 1987. №3.
Hammond N.G.L. The battle of the Granicus River. JHS. Vol. 100. 1980.
Sekunda N.V. McBride A. The Army of Alexander the Great. Osprey, 1984.
Sekunda N.V. The Ancient Greeks. Osprey, 2000.

⁵¹ Arr. An., I.13.1; Kurt., III.4.13.

⁵² Arr. An., IV.4.5.

⁵³ Arr. An., I.6.7.

⁵⁴ Arr. An., III.18.4.

⁵⁵ Arr. III. IV.2.3; 26.5; VI.7.4.; Plut. Alex., 63; Kurt., VIII. 2.22; 10.10.

⁵⁶ Arr. An., I.7.9.

⁵⁷ Arr. An., II.23.3.

⁵⁸ Arr. An., I.3.3.

Sekunda N.V. *The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia*. Malden; Oxford; Chichester, 2010.

Tarn W. W. *Alexander the Great*. New York, 1948.

Tarn W. W. *Hellenistic military and Naval Development*. New York, 1966.

Wilcken U. *Alexander der Grosse*. B., 1931.

О.Н. ТУМАНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА ЗАГРАНИЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Заграничное путешествие не по казенной надобности, а как частная инициатива получает заметное распространение в России после Манифеста о вольности дворянства 1762 г. в качестве одной из привилегий «первенствующего» сословия⁸⁹. Традиция частного путешествия за границу возникает и в тесной связи с наиболее интенсивно протекающими в дворянской среде процессами индивидуализации сознания, становления личности. Сам дневниково-мемуарный жанр, одним из сюжетов которого становится путешествие, получает в России распространение с конца XVIII в. как результат признания ценности индивидуального жизненного опыта. В соответствии с получившимися откликом первоначально в верхних слоях русского общества идеями Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо путешествие должно было увенчивать процесс *образования* юношества, развития его умственных способностей и нравственных качеств⁹⁰. Именно от просветителей идет традиция путешествия как интеллектуального действия, предполагающего активную рефлексивную на тему собственной идентичности путешественников, оказавшихся в инокультурной среде⁹¹. Вместе с тем тяга к путешествию и одновременно к оформлению связного рассказа о нем для того, чтобы с помощью печатного литературного слова *влиять* на самосознание современников, также отвечала духу и социальной практике Просвещения, чье влияние прослеживается в поколениях русской интеллигенции⁹².

Для выезда из страны от подданных Российской империи требовалось получение заграничного паспорта.

В конце XVIII — начале XIX в. российские дворяне, составлявшие тогда и образованную элиту общества, могли беспрепятственно выезжать в западноевропейские страны. Как небезосновательно заметил В.В. Похлебкин, для русских писателей-дворян того времени «проблема наличия или отсутствия паспорта, проблема его получения никогда не только не возникает, но эта тема вообще не затрагивается [в их произведениях]»⁹³, поскольку ни авторы, ни их персонажи, принадлежащие к привилегированному сословию, с этой проблемой лично не сталкиваются. Но по мере того, как Западная Европа входит в полосу повторяющихся революционных циклов, русское правительство пытается взять заграничные путешествия своих подданных под контроль. Уже Павел I, опасаясь проникновения в России революционных идей, наложил запрет на получившую распространение практику поездок молодых дворян за границу в образовательных целях. Извлекая свои уроки из восстания декабристов, Николай I последовал примеру отца и законом 18 февраля 1831 г. установил, что молодые люди от 10 до 18 лет обязательно должны воспитываться в России под угрозой потери права поступления на государственную службу. Кроме того, указом 17 апреля 1834 г. было постановлено, что отлучка за границу дворян не должна длиться более 5 лет, а лиц прочих состояний — более 3 лет. Над имуществом лиц, остающихся за границей долее узаконенного срока и признанных виновными в недозво-

⁸⁹ Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб., 2003. С. 8.

⁹⁰ Стефко М.С. Идея и практика «образовательного» путешествия в России (конец XVIII – начало XIX вв.) // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 145 – 150.

⁹¹ Куприянов П.С. Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2002.

⁹² Гречанная Е.П. Путевой дневник как форма самосознания // Романтизм: вечное странствие. М., 2005. С. 307 – 323; Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. Томск, 2006.

⁹³ Похлебкин В.В. Паспорт. Исторический очерк // Сибирские огни. 2006. № 7. С. 137.

ленном оставлении отечества, учреждалась опека⁹⁴. Это правило продолжало действовать и в России рубежа XIX – XX вв. Указом 25 июня 1851 г. дозволенный срок отлучки за границу был сокращен для дворян до двух лет, а для всех прочих состояний — до одного года, а с каждого лица, записанного в заграничном паспорте стали взимать пошлину в размере 250 руб. за каждое полугодие⁹⁵.

С начало эпохи реформ Александра II в России произошел заметный разворот к расширению политических, экономических и культурных связей с Западом. Одним из первых симптомов нового правительственного курса стал закон 26 августа 1856 г., который отменил всякие пошлины с лиц, выезжающих за границу, установив вместо них взимание с каждого заграничного паспорта сбора в размере 5 руб. за полугодие. 23 октября 1861 г. была отменена и троекратная публикация об отъезде частных лиц за границу. И лишь 2 июня 1887 г., уже при Александре III, сбор, установленный в 1856 г., был удвоен⁹⁶.

10 руб. – такова была и в начале XX в. стоимость каждого заграничного паспорта, который предоставлял право пребывания за границей в течение полугодия «без ограничения числа лиц в оном указанных», например, жены или других членов семьи. Соответственно, право на каждое следующее полугодичное пребывание за границей приобреталось путем уплаты 10 руб. за каждое новое полугодие: заграничный паспорт на 1 год стоил 20 руб., на 1,5 года – 30 руб. и т.д.⁹⁷ При этом десятирублевый сбор возвращался, если лицо, не воспользовавшееся заграничным паспортом, представляло его обратно до истечения 2 месяцев со дня получения. Изданный в 1903 г. Устав о паспортах (его II раздел назывался «О паспортах заграничных») подробно определял в ст. 164-234 порядок пропуска через границу российских подданных. Заграничные паспорта выдавались главными начальниками края (генерал-губернаторами), а где их не было (т.е. в большинстве внутренних губерний) — губернаторами и градоначальниками. Для получения заграничного паспорта следовало предварительно взять «свидетельство из полиции о неимении препятствий с ее стороны к выезду данного лица за границу». В выдаче такого удостоверения полиция могла отказать лишь в том случае, когда к данному лицу предъявлены законные требования со стороны частных лиц или правительственных мест и лиц. Удостоверение полиции могло быть заменено ручательством благонадежных лиц⁹⁸. Наконец, с желавших выехать за границу взыскивался налог в пользу Красного креста в размере 5 руб.

Выполнив все эти условия, можно было обращаться в канцелярию губернатора или градоначальника, которые и выдавали паспорт. Паспорта на выезд за границу имели силу только в течение трех месяцев со дня их выдачи до дня выезда за границу. По истечении этого срока необходимо было оформлять новый паспорт. «Лица, уволенные в чужие края» в случае необходимости пребывать там «долее сроков в их паспортах указанных», должны были обращаться с просьбами об отсрочках к тем главным и местным губернским властям, от которых они и получили заграничные паспорта. К этим прошениям прикладывались свидетельства («бланкетные деньги») об уплате дополнительного сбора в размере 10 руб. за каждое новое полугодие. Для всех русских подданных был установлен общий срок «дозволенного» пребывания за границей с «узаконенным паспортом» в 5 лет. Исключение «по истечении узаконенного срока» допускалось для лиц, которые, находясь за границей по коммерческим делам, не могли вернуться в Россию «без упущения своих или

⁹⁴ Яновский С.Я. Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции (ЖМЮ). СПб., 1909. № 4. С. 93.

⁹⁵ А. Я. Паспорта заграничные // Энциклопедический словарь [в 86 т.] / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890 – 1907.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Филиппов С. Н. Западная Европа: спутник туриста: с 36 картами и планами, 120 видами и рисунками и русско-французско-немецко-итальянским дорожным словарем. 4-е изд., вновь пересм. и доп. М., 1907. С. XXV.

⁹⁸ А. Я. Паспорта заграничные // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890 – 1907.

доверенных им пользы». С просьбой о продлении своего пребывания за границей они должны были обращаться в «подлежащую российской миссию» за рубежом⁹⁹. Отлучившиеся за границу без взятия узаконенного паспорта подвергались, по возвращении, денежному взысканию не свыше тройной платы за паспорт и сверх того вносили установленный сбор (ст. 62 Уст. о наказаниях, налагаемых мировыми судьями)¹⁰⁰.

Заграничные паспорта требовалось предъявлять в русское пограничное жандармское управление, как при выезде из России, так и на обратном пути¹⁰¹. Вместе с тем русских путешественников, привыкших к строгому паспортному режиму у себя на родине, немало удивляло, что в западноевропейских гостиницах от них не берут паспортов «в прописку». Просят только визитную карточку, чтобы записать имя и фамилию в книге приезжих¹⁰².

Исключение составляла соседняя Австрия, «в особенности» Вена, где, как специально оговаривалось в российском наставлении для туристов, «от приезжающих русских требуют представления паспорта, для объявления полиции о приезде»¹⁰³. Строже были и порядки в Германии. По крайней мере, упоминания о «берлинской канцелярщине, с ее мытарствами», и необходимости для получения «вида» ходить «по Polizei-Revier'am и Rgäzidium'am и при том буквально в первые часы по въезде в Берлин», встречаются в записках русских путешественников¹⁰⁴. Кроме того, заграничный паспорт был «необходим для получения денежного перевода или заказного письма на почте»¹⁰⁵.

Ошутимый прирост путешествующих за границу в России происходит уже в пореформенное время. Одним из первых результатов эпохи великих реформ стало снятие ряда политически мотивированных ограничений для выезда русских поданных в Западную Европу и радикальное удешевление заграничного паспорта¹⁰⁶. Увеличению числа едущих за границу способствовало и появление свободных денег на руках у бывших душевладельцев, уступивших крестьянам и часть своей земельной собственности. «Выкупные свидетельства... зудели в руках дворян-помещиков»¹⁰⁷, – отмечал в связи с этим в своих воспоминаниях П.Д. Боборыкин. В 1867 г. в Петербурге более 5 тыс. русских поданных получили паспорта для выезда за границу¹⁰⁸, а уже в начале XX в., как отмечал автор статьи о заграничных паспортах в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в России выдавалось «ежегодно средним числом 27 тыс. заграничных паспортов»¹⁰⁹.

В то же время в первой книжке петербургского журнала «Поездки за границу» (июль 1907 г.) сообщалось, что «ежегодно от 2 до 3 млн русских выезжают на более или менее продолжительное время за границу»¹¹⁰.

Кратные различия в цифрах (заграничные паспорта получают тысячи, а выезжают миллионы!) объясняются тем, что заграничный паспорт, как правило, выдаваемый в канцеляриях губернаторов для поездки с частными целями, получали только представители

⁹⁹ Филиппов С. Н. Западная Европа: спутник туриста... С. XXV.

¹⁰⁰ Дружинин Н. Заграничный паспорт // Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907. № 8. Ноябрь. С. 3 – 5.

¹⁰¹ Ненашев А.П. Германия: С картой железных дорог Германии и планами Берлина, Дрездена и Мюнхена / Изд-во И. Кнебель: Путеводители по Западной Европе. М., 1911. С. XIX.

¹⁰² Лейкин Н.А. Наши за границей: юмористическое описание поездки супругов, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых, в Париж и обратно. Изд. 16-е. СПб., 1899. С. 154 – 155, 491.

¹⁰³ Филиппов С. Н. Западная Европа: спутник туриста... С.5. См. также: Лейкин Н.А. Наши за границей... С. 491.

¹⁰⁴ Введенский А.И. Западная действительность и русские идеалы (письма из-за границы). Сергиев Посад, 1894. С. 90 – 91.

¹⁰⁵ Ненашев А.П. Германия... С. XVIII – XIX.

¹⁰⁶ Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х т. М., 1965. Т. 1. С. 405, 408.

¹⁰⁷ Там же. С. 406.

¹⁰⁸ Официальный сайт ФМС России <http://www.fms.gov.ru/about/history/details/38013/full/>

¹⁰⁹ А. Я. Паспорта заграничные // Энциклопедический словарь [в 86 т.] / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.:Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890 – 1907.

¹¹⁰ Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907. № 1. Июль. С. 1.

более или менее привилегированных слоев (дворянство, чиновники, интеллигенция, предприниматели), а для массы трудовых мигрантов из приграничных районов существовал иной порядок выезда. Поэтому, именно данные о выданных заграничных паспортах адекватно отражают динамику процесса выезда за границу (прежде всего, на Запад) образованных слоев, к числу которых принадлежали и литераторы.

Вместе с тем само образованное общество было весьма дифференцированным в имущественном и социальном плане. Доступность поездки за границу обуславливалась ее относительной «ценой», которая разнилась в глазах различных представителей этого общества. По-разному смотрели на возможность вояжа за границу и персонажи чеховской «Чайки» (1896 г.). Помещик Петр Николаевич Сорин, в усадьбе которого и разворачивается действие пьесы, имея в виду своего молодого племянника Треплева, сына актрисы Аркадиной, советует сестре дать «ему немного денег», прежде всего, чтобы «одеться по-человечески». А потом прибавляет: «Да и погулять малому не мешало бы... *Поехать за границу, что ли... Это ведь не дорого стоит*». Реакция Аркадиной, подчеркивая ее черствость к сыну, вместе с тем показывает, что для нее существует разница между расходами на одежду для сына и на его заграничное путешествие: «Пожалуй, на костюм я еще могу, но чтоб за границу... Нет, в настоящее время и на костюм не могу» (Чехов А.П. Чайка. Комедия в четырех действиях. Действие третье).

То, что Сорину кажется недорогим развлечением для любимого племянника; с точки зрения его матери – успешной, но скуповатой актрисы требует уже чрезмерных расходов, а недавно предпринятое другим персонажем пьесы – доктором Дорном путешествие за границу стоило ему *всех* прожитых там двух тысяч рублей, скопленных «за тридцать лет <...> беспокойной практики», когда он «не принадлежал себе ни днем, ни ночью» (Там же. Действие четвертое)!

К концу рассматриваемого в настоящем исследовании периода путешествие в Западную Европу становится доступным для более широкого круга русских туристов. Об этом свидетельствует то, что в серийных путеводителях по странам Западной Европы, к выпуску которых специально для «русского интеллигентного туриста»¹¹¹ на рубеже 1900 – 1910-х гг. приступило московское издательство И. Кнебель их составители «руководствовались соображением», что турист при осмотре каких-либо достопримечательностей «не в состоянии пользоваться дорогостоящим способом передвижения – извозчиками», и поэтому, «постоянно указывали, как осмотреть все самое интересное в кратчайшее время, пользуясь либо дешевыми трамваями, либо своими собственными средствами передвижения, “*per pedes apostolorum*” [«апостольскими стопами» (как ходили апостолы)]; пешком, «по образу пешего хождения» – *лат.*]]¹¹².

Тот факт, что извозчики всюду очень дороги, и поэтому недоступны для малоимущих туристов, относился к числу общепризнанных в тогдашней специализированной туристской печати¹¹³. Вместе с тем латинская поговорка, приводимая в серийном путеводителе *без перевода*, показывала, что его главным адресатом оставался именно «интеллигентный турист», окончивший, по крайней мере, гимназию.

Идя навстречу растущему спросу на заграничные поездки, и одновременно стимулируя его, нарождавшийся в России турбизнес начал широко практиковать так называемые «круговые путешествия». Типичным для тогдашних туристских изданий было такое, например, рекламное объявление:

«За границу. Ревельское представительство [Российского общества туристов].

Ревель – Штетин – Берлин – Гамбург – Саутгемптон – Лондон – Париж – Штутгарт – Мюнхен – Вена – Дрезден – Берлин – Штетин – Ревель.

Отправление 16 июня Прибытие обратно 13 июля. Стоимость поездки 255

¹¹¹ Ненашев А.П. Германия... С. V.

¹¹² Там же. С. VI.

¹¹³ Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1908. № 1. Январь. С. 3.

руб.»¹¹⁴.

К адресату подобной рекламы была обращена и статья «*Как поехать за границу бедному человеку*», опубликованная упомянутым петербургским журналом «Поездки за границу» в начале 1908 г.¹¹⁵ (судя по всему, острая социальная критика в адрес редакции даром не прошла). По мнению автора данной статьи, для кругового путешествия, продолжающегося с остановками 4-6 недель, «совершенно достаточно обладать капиталом в 250 – 300 руб.». Из них на приобретение кругового заграничного билета уйдет 70 руб., а на все расходы по русскому паспорту около 30 руб. Чтобы уложиться в указанную сумму, автор давал «бедному человеку» следующие практические рекомендации: не брать никакого багажа, кроме легкого чемоданчика 25 – 30 фунтов весом (чтобы нести его самому); знать хотя бы один иностранный язык, чтобы объясняться в гостиницах и ресторанах; уметь ходить пешком, не уставая в течение 2-3 час.; не покупать ничего лишнего; не проживать подолгу в больших центрах. Кроме того, согласно оценке компетентного автора, в течение 1 месяца можно сэкономить 40-50 франков, если взять с собой «простую спиртовку, маленький чайник и распечатанный пакет русского чая»¹¹⁶.

Таким образом, состав путешествующих за границу с частными целями к концу имперского периода постепенно демократизировался. Вместе с тем развитие иностранного туризма в позднеимперской России наталкивалось на ряд специфических трудностей, связанных с состоянием умов, преобладанием в кругах интеллигенции левых идей и довольно аскетических представлений о допустимых формах досуга. С этим было связано и явно предвзятое ее отношение к заграничному путешествию как барской прихоти, буржуазной затее. Когда в июле 1907 г. в Петербурге вышла первая книжка нового иллюстрированного журнала «Поездки за границу», призванного рекламировать этот вид проведения досуга, редакция получила в ответ письмо одного из читателей, который с большим сарказмом выразил свое гражданское возмущение. С точки зрения этого читателя, а его письмо было опубликовано уже в следующем номере, появление такого органа «в России в настоящий момент не может не поражать своей мягко выражаясь... несвоевременностью». Намекая на ситуацию в стране, связанную с поражением революции и наступлением политической реакции, автор находил неуместным в такое время рекламировать курорты, достопримечательности, рулетки, восхождения на горы! В вину издателям журнала ставился даже его внешний вид: «странно видеть на книжном рынке Ваши изящные, чистенькие книжки на хорошей бумаге с отличными виньетками и иллюстрациями, делающие честь искусству типографии»¹¹⁷! Единственная польза от такого издания виделась рассерженному читателю в том, что журнал, посвященный заграничным путешествиям, мог бы дать своим подписчикам картину чужой свободы, пока своей в России еще не достигли¹¹⁸! Характерно, что в предварявшей это обличительное письмо передовой статье редакция была вынуждена признать, что столкнулась «с непониманием наших задач» и оправдываться, находя совершенно несправедливым «представление о нашем журнале как об органе специально обслуживающем житейские и притом довольно низменные интересы высших слоев буржуазии»¹¹⁹.

Следует заметить, что такое узкое понимание заграничных путешествий в России конца XIX начала – XX вв. уже выглядело идейным анахронизмом на фоне широкого развития и демократизации туризма и превращения его в одну из форм общественной само-

¹¹⁴ Русский турист. Бюллетень Российского общества туристов (РОТ). 1912 г. № 4 - 5. Апрель - Май. С. 7.

¹¹⁵ Л. Т-въ. Как поехать за границу бедному человеку // Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1908. № 1. Январь. С. 1 – 3.

¹¹⁶ Л. Т-въ. Беседы с читателями. Как поехать за границу бедному человеку // Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1908. № 1. Январь. С. 1 – 2.

¹¹⁷ Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907. № 2. Август. С. 3.

¹¹⁸ Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907. № 2. Август. С. 4.

¹¹⁹ Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907. № 2. Август. С. 1.

деятельности. Как справедливо заметил современный исследователь внутреннего туризма в России того времени (а его вывод можно до известной степени распространить и на заграничные путешествия) «занятия туризмом и экскурсионные поездки быстро распространились среди разных сословий, что свидетельствовало не только об экономических изменениях и их последствиях, но и о переменах, происходящих в сознании людей. Распространение туризма было связано с высокой общественной активностью. Он развивался не только как индивидуальная потребность, но и как общественная самоорганизация»¹²⁰.

Мотивы отъезда и цели частного путешествия за границу были разнообразными и со временем тоже претерпевали различные изменения.

Первоначально тон для остальной, в основном привилегированной части общества во многом задавали члены царской семьи, отправлявшиеся за границу с широким кругом задач, связанных не только с выполнением дипломатических миссий и поддержанием династических связей, но и светскими развлечениями, отдыхом и т.п. Следует сказать особо, что заграничное путешествие в XIX в. вообще стало составлять часть программы воспитания российских престолонаследников, позволяя одновременно решать и важный matrimonialный вопрос – находить царским отпрыскам достойных невест¹²¹. Интерес в русском обществе к заграничным поездкам «августейших особ» сохранялся и на рубеже XIX – XX вв.¹²²

После 1905 г. в Западную Европу зачастили и российские парламентарии-думцы¹²³. Политический туризм в России рассматриваемого времени весьма активно практиковали русские либералы¹²⁴.

Помимо представителей политической элиты в Западную Европу традиционно приезжали на отдых, для поправления здоровья и развлечения выходцы из наиболее состоятельной и образованной части общества: вольные дворяне-помещики, состоятельные купцы-торговцы, промышленники и финансисты, а также бравшие порой весьма длительный отпуск или же выходявшие в отставку гражданские чиновники и военные¹²⁵. Были среди них и представители литературной среды.

На фоне широкого увлечения русской публики вплоть до начала Первой мировой войны заграничным отдыхом Россия представлялась «страной забытых и разоренных курортов». Имея в виду довоенную ситуацию, специализированная русская пресса сокрушалась, что «один немецкий Висбаден ежегодно привлекает не менее посетителей, чем все русские курорты, вместе взятые»¹²⁶.

На заграничные курорты с мужьями или детьми, или вовсе без таковых, отправлялись и женщины, принадлежавшие к имущим и привилегированным слоям общества. Шаржированные сатирические зарисовки подобного рода публики – «русских дамочек, которые устремляются за границу, потому что там каждый кельнер имеет вид наполеоновского камер-юнкера»; «русских бонапартистов, которые, вернувшись в отечество, с умилением рассказывают, в какой поразительной опрятности парижские кокотки содержат свои приманки»; «действующих сановников, которые, на казенный счет, ставят в тупик» содержателей известных парижских ресторанов «несбыточностью своих кулинарных

¹²⁰ Голоцван К.В. Становление массового туризма в России в конце XIX - начале XX века: Крым, Кавказ, Волга: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.]. М., 2009. С. 6.

¹²¹ См.: Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838 – 1839. М., 2008.

¹²² Суворин А.С. Дневник... Л., М., 1999. С. 264 (запись от 30 октября 1896 г.).

¹²³ Ефремов И.Н. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. / Ив. Ефремов, чл. Гос. думы. СПб., 1911.

¹²⁴ Леонова Л.А. Международная деятельность русских либералов в первой четверти XX века: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2004.

¹²⁵ См.: Милютин Д.А. Дневник. 1882 – 1890. М., 2010; Вольф К. Путевые впечатления, или Из дневника туриста-кавалериста: (Англия, Франция, Италия, Австро-Венгрия и Германия). СПб., 1901.

¹²⁶ Русский курорт. 1915. № 1. С. 2.

мечтаний»; наконец, «сановников опальных, которые поверяют Юнгфрау свои любезно-верные вздохи и пробуждают жалость в сердцах людей кадетской мудростью своих административно-полицейских выдумок»¹²⁷, – русский читатель находил у М.Е. Салтыкова-Щедрина.

За границу ехали и с другими целями. Русская молодежь отправлялась на учебу в западноевропейские университеты¹²⁸. Ехали и для того, чтобы «поучиться» и одновременно подышать «живой сферой после пресного, серенького прозябания» где-нибудь «в окрестностях Тверского бульвара»¹²⁹, как один из дворянских сынов – персонаж беллетристики П.Д. Боборыкина.

В связи с обсуждением роли заграничного путешествия в публицистике В.В. Розанова была затронута тема смены поколений в русском образованном обществе. Писатель с удовлетворением отмечал стремление учащейся молодежи начала XX в. расширить свой кругозор путем заграничных поездок. «Одно из ценных приобретений наших новых годов – большая подвижность молодежи. – фиксировал Розанов в одном из газетных очерков 1910 г. успехи молодежного познавательного туризма в России. По мнению писателя, впервые выбравшегося за границу уже человеком в возрасте, в судьбах значительной части его генерации заграничное путешествие либо не играло никакой роли, либо, в лучшем случае, являлось лишь наградой за долгую службу, выступая как венец жизни и ее предсмертный подарок. «Теперь не то...», – заключал Розанов, переходя к характеристике новых возможностей и стремлений, обнаружившихся среди молодого поколения: «На молоденьких, свеженьких ногах побежало русское юношество по всем направлениям... Это – целое преобразование, незаметное, тихое... Кто учтет, кто усмотрит ту иногда гениальную мысль или гениальное движение души, какое переживает какой-нибудь "бурш из Тамбова", нечесаный и снаружи сонный, рыжеватый, с веснушками, войдя в кельнский собор или подняв глаза на настоящие, "натуральные" пирамиды...»¹³⁰.

В путешествие по Западной Европе отправлялись и выпускники российских университетов для повышения своего профессионального уровня, изучения зарубежного опыта, например, в области государственного права¹³¹, классической филологии¹³², просвещения¹³³ или медицины и здравоохранения¹³⁴. С той же целью или же непосредственно для решения коммерческих и хозяйственных дел ехали и русские предприниматели¹³⁵.

¹²⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом (1880 – 1881) // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 43.

¹²⁸ Русские студенты в Германии / [Соч.] [Studiosus'a] Елисаветград: тип. Гольденберга, 1894; Русский студент в Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии: [Необходимые указания для едущих за границу и списки учеб. заведений] Берлин, [1911]. См. также: Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М., 2005; Шестаков В.П. Русские в британских университетах: Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб., 2009.

¹²⁹ Боборыкин П.Д. В чужом поле: роман в двух книгах // Русский вестник. 1866. Октябрь. № 10. С. 550 – 551, 553.

¹³⁰ Розанов В. В. [под псевдонимом В. Варварин] О деликатности и прочих мелочах // Русское слово. [М.]1910. 24 октября.

¹³¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания... [Т.3] Путешествие за границу. М., 1929.

¹³² Модестов В. И. Заграничные воспоминания // Исторический вестник. 1883. № 2 – 4.

¹³³ Ветнек Е.И. Французская, американская и русская средняя школа на Парижской Всемирной выставке 1900 года: Отчет о командировке на выставку учителя Одесской 4-й гимназии Евг. Ветнека. Одесса, 1901; Иващенко О. Воспоминания об английской школе. [Киев], 1912.

¹³⁴ Коровин А.М. Общественная борьба с пьянством в связи с устройством лечебниц для алкоголиков в Англии, Швейцарии и Германии: Из личн. наблюдений. 1894-1895 г.: Докл., прочит. в Моск. о-ве нейропатологов и психиатров 12 мая 1895 г. / [Соч.] Врача А. Коровина. М., 1895; Замуравкин К.И. Спутник русского врача за границей: Берлин – Париж. СПб., 1913.

¹³⁵ Крюков Н.И. Поездка второй партии русских хозяев и торговцев в Англию. Калуга, 1902; Рапопорт С.И. Деловая Англия. М., 1903. См. также: Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914. Л., 1970.

Ехали люди искусства, – чтобы сначала учиться, а потом и работать где-нибудь в Италии или в Париже¹³⁶. Ведь, по отзыву одной из таких русских художественных натур, «нигде нельзя так хорошо сосредоточиться и работать, как в Париже. Он дает все для работы: обстановку, художественную культурную среду, прекрасных мастеров – учителей, интересные выставки и богатейшую историю искусств в своих бесчисленных сокровищницах – музеях и памятниках старины»¹³⁷. Многие художники получали финансовую поддержку от Российской Академии художеств могли подолгу жить вне России¹³⁸.

Ехали не только в поисках новых впечатлений, творческого вдохновения, но и заработков. В конце XIX – начале XX вв. из России в Западную Европу выезжает все большее число видных деятелей культуры. «Их первый поток сформировался из маятниковой миграции: вначале музыканты Н. Н. Черепнин и И. Ф. Стравинский, художники А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, балетмейстеры М. М. Фокин, В. Ф. Нижинский, балерины А. П. Павлова, Т. П. Карсавина и многие другие лишь подолгу жили за рубежом, но возвращались с гастролей на родину. Однако пребывание их за пределами России становилось все продолжительнее, заключаемые контракты все выгоднее»¹³⁹. Все это подготавливало условия для массового исхода творческой элиты России за ее пределы уже после 1917 г.¹⁴⁰.

В то же время мотивы, по которым культурный слой русского общества рвался за границу, могли быть и весьма тонкого свойства: душевные переживания, тоска, вызванные, например, как это случилось с интеллигентной помещицей Любовью Андреевной Раневской из чеховского «Вишневого сада» (1903 г.) в первый раз, стремлением навсегда бежать подальше от места трагедии, от приусадебной реки, где утонул ее сын, «чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки...» (Чехов А.П. Вишневый сад. Комедия в 4-х действиях. Действие второе). Мотивы же вторичного отъезда Любови Андреевны за границу в финале пьесы удивляют своей иррациональностью. Она едет туда к любимому, но бессовестно обманывавшему ее человеку, на деньги, полученные от «ярославской бабушки» ее дочери для того, чтобы выкупить на имя внучки имение, выставленное за долги на аукцион! (Там же. Действие третье). Денег этих не хватило на покупку имения, но и на заграничную жизнь, как понимает сама Раневская, «денег этих хватит ненадолго» (Там же. Действие четвертое). Но едет в Париж!

Наконец, следует иметь в виду и причины, заставлявшие русских поданных надолго или даже навсегда покинуть свою страну.

Эмиграцию из России в рассматриваемый период обычно разделяют на политическую и трудовую. Следует подчеркнуть, что до середины первого десятилетия XX в. в Российской империи сохранялся запрет на эмиграцию, а пропаганда эмиграции в России была уголовно наказуемым деянием¹⁴¹. Выезд из страны допускался на ограниченный срок, а на постоянное проживание был запрещен для всех подданных Российской империи, за исключением иудеев. Никаких законоположений, регулирующих эмиграционные потоки, в России не было. Эмиграция была, по сути, противозаконной и нелегальной.

Несмотря на то, что жизнь вынуждала государство приступить в начале XX в. к обсуждению вопроса о юридическом статусе эмигрантов, даже в 1909 г. в специальной литературе констатировалось: «эмиграция до настоящего времени совершенно неизвестна русскому законодательству»¹⁴². Тем не менее, законом от 26 апреля 1906 г. прежняя нор-

¹³⁶ Тенишева М. К. Впечатления моей жизни: Воспоминания. М., 2002. С. 35, 37.

¹³⁷ Там же. С. 145.

¹³⁸ См.: Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940, М., 1994. В 2 кн. Кн. I. С.16 – 24.

¹³⁹ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом. С. 62.

¹⁴⁰ См: Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе. XX век. Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М., 2002.

¹⁴¹ Яновский С.Я. Русское законодательство и эмиграция // ЖМЮ. СПб., 1909. № 4. С. 93, 95 – 96.

¹⁴² Там же. С. 92.

ма, предусматривавшая наказание за пребывание за границей сверх установленного срока, была смягчена. Наказание теперь предусматривалось только за распространение «заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу»¹⁴³. Из-за сложности оформления выездных документов от 75 до 90% российских эмигрантов выезжали нелегально: без документов или с так называемыми легитимационными билетами, предназначенными для выезда на сезонные сельскохозяйственные работы в пограничные европейские страны¹⁴⁴.

Эмиграцию из России по политическим мотивам обычно разделяют на несколько «волн». Первая из них поднялась еще в дореформенное время и была крайне немногочисленной. В 1860-е гг. возникает так называемая молодая эмиграция, эмиграция второй волны. Большинство уехавших тогда из России были очень бедны, не сумели создать за границей налаженный быт, и поэтому нередко возвращались на родину¹⁴⁵. Третья волна российской политической эмиграции поднимается в начале царствования Александра III (1881 – 1894) после утверждения консервативного курса в правительственной политике. Как и в случае с рядом эмигрантов второй волны, не все вновь прибывшие сохранили свои прежние убеждения за границей. Иные, радикально переосмыслив революционное прошлое, как, например, Л.А. Тихомиров возвращались на родину, становясь убежденными монархистами¹⁴⁶. Другие, проживая на Западе, существенно эволюционировали «слева направо». Характерен в этом смысле пример писателя и публициста И. Я. Павловского, известного под псевдонимом И. Яковлев. В молодые годы – участник революционно-народнического движения в России, после сравнительно недолгого тюремного заключения, уехавший за границу, осевший во Франции, пользовавшийся там одно время покровительством И.С. Тургенева, он постепенно стал гораздо более умеренным в своих взглядах, занялся литературным трудом, печатался в «Новом времени» у А.С. Суворина. В 1894 г. в России вышла его книга «Парижские очерки и этюды»¹⁴⁷. След прежних народнических убеждений заметен в преимущественном интересе автора к социальным проблемам Парижа и опыту их решения с учетом насущных русских потребностей. Но автор подчеркнуто аполитичен. Французские социалисты, собирающие народ на предвыборные митинги, никакого сочувствия у него не вызывают.

Но, несмотря на подобные метаморфозы, в целом поток политической эмиграции из России в конце XIX в. неуклонно рос. Как отмечают исследователи, специально занимавшиеся этой темой, учет численности русских, находившихся по политическим причинам на чужбине, крайне затруднен из-за недостатка достоверной статистики и частной смены места жительства эмигрантами, постоянно находившимися в поисках куска хлеба. «Если в начале 80-х гг. XIX в. в вынужденном изгнании за рубежом находилось около 500 человек, то за четверть века за счет расширения социального состава политэмиграции это число, по меньшей мере, утроилось»¹⁴⁸.

После октябрьской политической амнистии 1905 г. в Россию на короткий срок вернулись почти все политические эмигранты. Но новая российская политическая «весна» оказалась недолгой. К тому же она была отягощена вспышками массового революционно-го насилия, а также индивидуального террора, вызвавшими ответную волну правитель-

¹⁴³ Там же. С. 94.

¹⁴⁴ См.: Тарле Г.Я. Российские документы о правилах въезда и выезда за границу в 20-х годах XX в. (Анализ источников) // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XIII. Ростов, 2003. С. 119 – 141.

¹⁴⁵ См.: Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53 – 65; Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008; он же. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001.

¹⁴⁶ См.: Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004.

¹⁴⁷ Павловский И. Я. Парижские очерки и этюды / И. Яковлев (И.Я. Павловский). СПб., 1894.

¹⁴⁸ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 59.

ственных репрессий. В 1907 — 1908 гг. поднялась четвертая, самая многочисленная волна политической эмиграции из царской России¹⁴⁹.

Фактически в эмиграции или на положении полуэмигрантов оказался ряд видных писателей и публицистов, как, например, М. Горький или А.В. Амфитеатров. «Всего за рубежом, по неполным данным, в 10-х гг. XX в. проживало несколько десятков тысяч русских политических эмигрантов»¹⁵⁰. Писатель народнической окраски С. Я. Елпатьевский, тоже, видимо, не без политической причины, предпринявший в 1908 г. новое турне по Европе, упоминал тогда «более двухсот тысяч, выброшенных в последние два-три года из пределов России и так или иначе не устраивающихся в Европе русских людей»¹⁵¹.

Образ русского за границей в это время начинает с особой силой ассоциироваться с чертами *политического изгнанника*. Не удивительно, — и даже очень верно подмечено М. Горьким — то характерное обстоятельство, что путешествующий примерно тогда же по Западной Европе его романский герой — Клим Самгин постоянно встречает там русских политэмигрантов и даже вынужден объяснять им, как и другим соотечественникам, что сам-то он тут оказался по другим мотивам: «Вы — эмигрировали? — Нет. Вояжирую»¹⁵².

Уже третья волна политической эмиграции из России совпала с началом массовой *трудо*вой эмиграции, в потоке которой преобладали представители национальных меньшинств, население западных губерний, а также члены некоторых религиозных общин¹⁵³. Демократизация состава политической эмиграции привела к тому, что уже в начале XX в. политические беженцы и те, кто выезжал за границу просто в поисках лучшей доли, были не всегда различимы.

Рост числа отправляющихся в заграничное путешествие по разным мотивам стимулирует российских книгоиздателей к развертыванию серийных выпусков путеводителей для русских туристов по странам и регионам Западной Европы¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины; принципы периодизации С. 19.

¹⁵⁰ Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом. С. 61.

¹⁵¹ Елпатьевский С. За границей // Собр. соч. Т. IV. СПб., 1912. С. 204.

¹⁵² Горький М. Жизнь Клим Самгина... С. 14.

¹⁵³ См.: Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986; Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

¹⁵⁴ Путеводитель по Берлину и его окрестностям: С планами города, музеев и окрестностей. Берлин, 1894; Русский турист: Путеводитель по Западной Европе. [Вып.] 1. Париж / Сост.: С. М. Л. Б.м.: 1894/5; Онуфриев Н.Е. Лондон: Описание столицы Англии и жизни в ней. СПб.; М., 1895; Брейтфус Л.Л. Путеводитель по Западной Европе: (Германия, Австрия, Франция, Бельгия, Люксембург, Голландия, Дания и Швейцария). Берлин, 1897; Русский в Германии: Самая простая и легкая метода для скорого изуч. нем. яз. с помощью хорошего произношения : Содержит все необходимое для обыден. жизни и в о-ве. М., 1898; Жданов Л. Г. Русский в Германии: С пл. Берлина и Вены: Легчайший и скорейший способ научиться правильно говорить по-немецки и познакомиться со страной: Руководитель в пути и в о-ве. М., 1900; его же. Русский во Франции и Бельгии: с план. Парижа и Брюсселя: Легчайший и скорейший способ научиться правильно говорить по-французски и познакомиться с обеими странами: Руководитель в пути и в о-ве. М., 1900; его же. Русский в Англии: (Карта Великобритании. План Лондона и его театров): Легчайший и скорейший способ научиться правильно говорить по-английски: Руководитель в пути и о-ве. М., 1902; его же. Русский в Германии: Легчайший и скорейший способ научиться правильно говорить по-немецки и познакомиться со страной: Руководитель в пути и в о-ве. 3-е изд. М., 1909; его же. Русский в Англии: Руководитель в пути. М., 1910; его же. Русский в Италии: С пл. главнейших городов: Руководитель в путешествии. 2-е изд., пересмотр. М.П. Гирра. М., 1910; его же. Русский в Германии, Австрии и Швейцарии: Руководитель в пути и в о-ве. 5-е изд. М., 1914; Ненашев А.П. В Париж на выставку: Путеводитель по Западной Европе, Парижу и Всемирной выставке 1900 года. Т. [1]-2 [Путеводитель по Парижской выставке 1900 г. и русский и иностранный железнодорожный указатель на лето 1900 года]. М., 1900; его же. Путеводитель по Западной Европе: (Германия, Бельгия, Англия, Франция, Италия, Швейцария и Австро-Венгрия). 2-е изд., просмотр. и испр. М., 1901; его же. Бельгия, Голландия и Лондон: С карт. ж. д. Бельгии, Голландии и юго-вост. части Англии и планами Брюсселя, Антверпена и Лондона. М., 1911; Арефьев Н. В. Русский путеводитель по Берлину: 4 г. изд. Berlin: Немецко-русское изд. о-во, [1904]; Иллюстрированный русский путеводитель по Австрии, Германии, Швейцарии и Ривьере. 5-е изд. СПб., 1904; Росселевич Л. Русский в Германии и Австрии: Подроб. дорож. Словарь. Брест-Литовск, 1904; Берлин: Описание города и его окрестностей и путе-

О том, что явление, метко охарактеризованное Розановым, как «целое преобразование, незаметное, тихое...», действительно становилось в России массовым, свидетельствует и такой, лишь на первый взгляд, несолидный источник, как юмористическая проза А.Т. Аверченко. Ведь предмет юмора и сатиры становится только то, что уже вошло в обиход, стало его привычной частью. Во «Введении» к своей книге «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев...» писатель от души посмеялся над расхожими в русском обществе накануне Первой мировой войны представлениями о «пользе и культурном значении путешествий», которые расширяют кругозор, «облагораживают и развивают человека», позволяя ему по возвращении «принести пользу дорогой России», и т.д.¹⁵⁵

Заграничное путешествие, согласно первоначальным просветительским установкам, призванное стать для того, кто его предпринимает окном в неведомое, действительно обогатить человека новыми яркими и неповторимыми впечатлениями, развить и возвысить его личность¹⁵⁶, судя по произведениям русских писателей и публицистов конца XIX – начала XX вв. утрачивает до известной степени свою новаторскую природу, свой характер, по крайней мере, индивидуального первооткрытия и становится рутинным элементом жизни известной части русского общества, а, следовательно, предметом стереотипизации в рамках его обыденного сознания. Симптомом превращения заграничного путешествия в заурядное действие, цикл запрограммированных, ритуальных поступков и соответствующих реакций становится и тиражирование различных штампов в широко издававшейся на Западе и в России того времени справочной литературе для туристов, что также нашло отражение в русской сатире того времени¹⁵⁷.

Когда авторы путеводителей по шаблону пишут, а гиды – рассказывают, туристы тоже попадают во власть сложившейся традиции путешествия как ритуального действия, предусматривающего следование строго определенным правилам. Не избежали этого и четверо сатириконцев – главных персонажей книги Аверченко, во время своей «экспедиции» повидавшие множество картин в художественных музеях и галереях Берлина, Дрез-

водитель по музеям: Сост. по лучшим иностранным источникам. / Русский Бедкер: Русские путеводители по городам и странам Западной Европы. СПб., 1907; Русский в Англии: Самое простое и легкое руководство для скорого изуч. англ. яз., заключающее все самое необходимое в обыд. жизни и в путешествии, с указанием точного произношения. СПб., 1907; Париж: Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям: С полн. пл. Парижа... и 12 пл. музеев, окрестностей, кладбищ и проч.: Сост. по лучшим иностр. источникам / Русский Бедкер. Русские путеводители по Западной Европе. СПб., 1908; Берлин: Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям: Сост. по лучшим иностр. источникам. / Русский Бедкер: Русские путеводители по городам и странам Западной Европы. СПб., 1909; Вена: Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям: С полн. пл. Вены, пл. музеев, окрестностей, дорог и проч.: Сост. по лучшим иностр. источникам. / Русский Бедкер. Русские путеводители по городам и странам Западной Европы СПб., [1908]; Лагов Н. М. Франко-русский дорожный переводчик. СПб., 1910; его же. Рим, Венеция, Неаполь и пр.: Их обычаи и порядки, достопримечательности и ближайшие окрестности: Новое, подроб. и точное описание Рима и его ближайших окрестностей, а равно др. наиболее замечат. городов Италии, с 56 ил. в тексте, с 14 худож. автотипиями на отд. л., с 10 черными и в несколько красок планами и черт. и с итальяно-русским переводчиком. СПб., 1911; Русский в Италии: Самая простая и легкая метода для скорого изуч. ит. яз. с помощью хорошего произношения: Содержит все необходимое для обыд. жизни и в путешествии. СПб., [1910]; Путеводитель по Швейцарии: Подроб. описание страны с прил. 20-ти пл. и многокрас. карт., в том числе большой карты Швейцарии. 1911 год. / Русские путеводители по Западной Европе "Русский Бедкер". Odessa; St.-Peterburg, [1911]; Иованни Дж. Русский в Италии: Руководство для быстрого ознакомления с итал. яз., дающее возможность лицам, не знающим итал. яз. ориентироваться в Италии. М., 1913; Париж: Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям: С полн. пл. Парижа... и 12 пл. музеев, окрестностей, кладбищ и проч.: Сост. по лучшим иностр. источникам. 2-е изд. / Русский Бедкер. Русские путеводители по Западной Европе. СПб., [1913], и др.

¹⁵⁵ Аверченко А. Т. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова (1915 г.) // Аверченко А. Т. Рассказы. М., 2009. С. 618 – 619.

¹⁵⁶ Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб., 2003; Стефко М.С. Идея и практика «образовательного» путешествия в России (конец XVIII – начало XIX вв.) // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 145 – 150.

¹⁵⁷ Аверченко А. Т. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев... С. 672 – 673.

дена, Мюнхена, Нюрнберга, Венеции, Флоренции, Рима, Неаполя, Генуи, Парижа¹⁵⁸. Отнюдь не всегда с радостным чувством открытия красоты, соприкосновения с ней¹⁵⁹, а порой в довольно мрачных тонах, насмешливо, а иногда и с оттенком самоиронии об изучении западноевропейских «сокровищ искусства» повествуют не только юмористы, но и самые серьезные русские писатели. И.А. Бунин в одном из своих рассказов упоминает «осмотр мертвенно-чистых и ровно, приятно, но скучно, точно снегом, освещенных музеев или холодных, пахнущих воском церквей» в Неаполе, в которых писателю видится «повсюду одно и то же: величавый вход, закрытый тяжелой кожаной завесой, а внутри – огромная пустота, молчание, тихие огоньки семисвечника, краснеющие в глубине на престоле, убранном кружевами, одинокая старуха среди темных деревянных парт, скользкие гробовые плиты под ногами и чье-нибудь "Снятие со креста", непременно знаменитое...»¹⁶⁰. Если Бунин позволяет себе едва заметную улыбку в концовке нарисованной им однообразно-печальной и величавой картины, то В.В. Розанов со свойственной ему житейской непосредственностью мудреца высказывается без обиняков: «Осмотр всякой галереи есть вещь физически трудная. Боль в спине, отекающие ноги, чрезвычайная пестрота впечатлений и их невольная краткость – все это делает вас через 3-4 часа ходьбы и стояния почти больным»¹⁶¹. По мысли Розанова, задачи, которые ставят перед собой ценитель искусства и путешественник противоречат друг другу, поэтому «нужно иметь благоразумие при осматривании музеев. Можно истомить себя, физиологически и психически, рассматривая вещи не первоклассные, и тогда лучше, отметив место первоклассных, назавтра со свежими силами и непритупленной чувствительностью идти прямо к ним»¹⁶².

Вместе с тем несколько обескураживающим для многих русских интеллигентов, *вопреки всему* сохранивших «непритупленную чувствительность», по-прежнему проникнутых гуманистическим оптимизмом, ищущих в заграничном путешествии возвышающие человека мотивы, становится открытие ими *в самых зрелищных местах* Запада свидетельств человеческой «дикости», «варварства», за которыми проглядывали симптомы нарастающего в предвоенной Европе милитаризма. Речь, прежде всего, идет о военных музеях и выставках, широко открытых для публики в столице сравнительно недавно созданной «железом и кровью» Германской империи¹⁶³. Они, если воспользоваться выражением писателя и военного корреспондента Вас. И. Немировича-Данченко, не столько восхищали и утомляли, сколько «подавляли» русского путешественника¹⁶⁴. Начиная от знакомого с запахом пороха и видом человеческой крови Немировича до сугубо штатского горьковского персонажа – Клима Самгина эти экспозиции и картины шокировали «русских интеллигентных туристов» «грубой кичливостью победителя», его «бесшабашно-хвастливой» жестокостью по отношению к человеку¹⁶⁵, обилием выставляемых напоказ «инструментов исполнения воинского долга» и страшных подробностей войны¹⁶⁶.

¹⁵⁸ Аверченко А. Т. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев... С. 685.

¹⁵⁹ Стефко М.С. Русские путешественники конца XVIII – первой четверти XIX вв. в художественных галереях Италии: картины – критика – зритель // Мат-лы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения. 12 – 14 мая 2009 года. С. 231 – 236.

¹⁶⁰ Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско (1915) // Бунин И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М., 1995. С. 161.

¹⁶¹ Розанов В.В. Итальянские впечатления: Рим. – Неаполитанский залив. – Флоренция. – Венеция. – По Германии. СПб., 1909. С. 45.

¹⁶² Там же. С. 46 – 47, 116.

¹⁶³ Прежде всего, о такой достопримечательности Берлина, как расположенный на Арсенальной площади (Platz am Zeughaus) Цейхгауз, где находились Артиллерийский музей и Галерея славы (Ruhmeshalle). См.: Ненашев А.П. Германия... С. 43 – 44.

¹⁶⁴ Немирович-Данченко Вас. И. По Германии и Голландии. Путевые очерки и впечатления. СПб., 1892. С. 54.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) Повесть. Часть четвертая // Горький М. Собрание сочинений в 16 т. Т. 14. М., 1979. С. 16.

Аналогичные впечатления возникали у русских путешественников и в готовившейся к военному реваншу Франции. Посетив на Всемирной парижской выставке 1900 г. представленные во французской экспозиции Военный Отдел и отдел Красного Креста, писатель и общественный деятель И.И. Горбунов-Посадов увидел в них «две стороны одного и того же сумасшедшего дома, безумного и гнусного вертепа, на вывеске которого написано: "Европейская цивилизация. Торговый дом коммерции и братоубийства"»¹⁶⁷.

Литература

- А. Я. Паспорта заграничные // Энциклопедический словарь [в 86 т.] / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.:Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890 – 1907.
- Аверченко А. Т. Экспедиция в Западную Европу сатириков: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова (1915 г.) // Аверченко А. Т. Рассказы. М., 2009.
- Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914. Л.: Наука, 1970.
- Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М.: Знак, 2005
- Боборыкин П.Д. В чужом поле: роман в двух книгах // Русский вестник. 1866. Октябрь. № 10.
- Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х т. М.: Художественная литература, 1965.
- Бунин И. А. Господин из Сан-Франциско (1915) // Бунин И.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.: Московский рабочий, 1995.
- Введенский А.И. Западная действительность и русские идеалы (письма из-за границы). Сергиев Посад, 1894.
- Ветнек Е.И. Французская, американская и русская средняя школа на Парижской Всемирной выставке 1900 года: Отчет о командировке на выставку учителя Одесской 4-й гимназии Евг. Ветнека. Одесса, 1901
- Вольф К. Путевые впечатления, или Из дневника туриста-кавалериста: (Англия, Франция, Италия, Австро-Венгрия и Германия). СПб., 1901.
- Голоцван К.В. Становление массового туризма в России в конце XIX - начале XX века: Крым, Кавказ, Волга: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.]. М., 2009.
- Горбунов-Посадов И.И. На всемирной выставке (1900 г.) // Песни Братства и Свободы и наброски в прозе. (К сорокалетию литературной деятельности). Том I. 1882 – 1913 гг. М., 1928.
- Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет) Повесть. Часть четвертая // Горький М. Собрание сочинений в 16 т. Т. 14. М.: Издательство «Правда», 1979.
- Гречанная Е.П. Путевой дневник как форма самосознания // Романтизм: вечное странствие. М.: Наука, 2005.
- Дружинин Н. Заграничный паспорт // Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907. № 8. Ноябрь.
- Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2008.
- Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001.
- Елпатьевский С. За границей // Собр. соч. Т. IV. СПб., 1912. С. 204.
- Ефремов И.Н. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. / Ив. Ефремов, чл. Гос. думы. СПб., 1911.
- Замуравкин К.И. Спутник русского врача за границей: Берлин – Париж. СПб., 1913.

¹⁶⁷ Горбунов-Посадов И.И. На всемирной выставке (1900 г.) // Песни Братства и Свободы и наброски в прозе. (К сорокалетию литературной деятельности). Том I. 1882 – 1913 гг., М., 1928 // Эл. ресурс: http://az.lib.ru/g/gorbunowposadow_i_i/text_0020.shtml

- Иващенко О. Воспоминания об английской школе. [Киев], 1912.
- Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003.
- Коровин А.М. Общественная борьба с пьянством в связи с устройством лечебниц для алкоголиков в Англии, Швейцарии и Германии: Из личн. наблюдений. 1894-1895 г.: Докл., прочит. в Моск. о-ве нейропатологов и психиатров 12 мая 1895 г. / [Соч.] Врача А. Коровина. М., 1895
- Крюков Н.И. Поездка второй партии русских хозяев и торговцев в Англию. Калуга, 1902
- Куприянов П.С. Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2002.
- Л. Т-въ. Как поехать за границу бедному человеку // Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1908. № 1. Январь. С. 1 – 3.
- Лейкин Н.А. Наши за границей: юмористическое описание поездки супругов, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых, в Париж и обратно. Изд. 16-е. СПб., 1899
- Леонова Л.А. Международная деятельность русских либералов в первой четверти XX века: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул: Издательство Алтайского гос. ун-та, 2004.
- Милютин Д.А. Дневник. 1882 – 1890. М.: РОССПЭН, 2010
- Модестов В. И. Заграничные воспоминания // Исторический вестник. 1883. № 2 – 4.
- Немирович-Данченко Вас. И. По Германии и Голландии. Путевые очерки и впечатления. СПб., 1892.
- Ненашев А.П. Германия: С картой железных дорог Германии и планами Берлина, Дрездена и Мюнхена / Изд-во И. Кнебель: Путеводители по Западной Европе. М., 1911.
- Павловский И. Я. Парижские очерки и этюды / И. Яковлев (И.Я. Павловский). СПб., 1894.
- Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838 – 1839. М.: РОССПЭН, 2008.
- Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Издательство РГГУ, 2008.
- Поездки за границу: 2-недельный иллюстр. журнал. 1907-1908.
- Похлебкин В.В. Паспорт. Исторический очерк // Сибирские огни. 2006. № 7.
- Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53 – 65
- Рапопорт С.И. Деловая Англия. М., 1903.
- Розанов В.В. Итальянские впечатления: Рим. – Неаполитанский залив. – Флоренция. – Венеция. – По Германии. СПб., 1909.
- Розанов В. В. [под псевдонимом В. Варварин] О деликатности и прочих мелочах // Русское слово. [М.]1910. 24 октября.
- Русские студенты в Германии / [Соч.] [Studiosus'a] Елисаветград: тип. Гольденберга, 1894
- Русский курорт. 1915. № 1.
- Русский студент в Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии: [Необходимые указания для едущих за границу и списки учеб. заведений] Берлин, [1911].
- Русский турист. Бюллетень Российского общества туристов (РОТ). 1912 г. № 4 - 5. Апрель - Май.
- Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом (1880 – 1881) // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14.
- Стефко М.С. Идея и практика «образовательного» путешествия в России (конец XVIII – начало XIX вв.) // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 145 – 150.
- Стефко М.С. Русские путешественники конца XVIII – первой четверти XIX вв. в художественных галереях Италии: картины – критика – зритель // Мат-лы Международной науч-

- но-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения. 12 – 14 мая 2009 года. С. 231 – 236.
- Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Л., М.: Независимая газета, 1999.
- Тарле Г.Я. История русского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940, М.: Наследие, 1994. В 2 кн. Кн. I.
- Тарле Г.Я. Российские документы о правилах въезда и выезда за границу в 20-х годах XX в. (Анализ источников) // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XIII. Ростов, 2003. С. 119 – 141.
- Тенишева М. К. Впечатления моей жизни: Воспоминания. М.: Захаров, 2002.
- Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе. XX век. Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М., 2002.
- Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев: Штиинца, 1986
- Филиппов С. Н. Западная Европа: спутник туриста: с 36 картами и планами, 120 видами и рисунками и русско-французско-немецко-итальянским дорожным словарем. 4-е изд., вновь пересм. и доп. М., 1907.
- Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. Томск, 2006.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания... [Т.3] Путешествие за границу. М., 1929.
- Шестаков В.П. Русские в британских университетах: Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Яновский С.Я. Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции (ЖМЮ). СПб., 1909. № 4.

С.И. РЕСНЯНСКИЙ
РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ РАСКОЛ

А) Причины социальных катаклизмов второй половины XVII века. Причины раскола

События второй половины XVII века — сложнейший период в истории России. Успешно преодолевая политические последствия «Смутного времени», государство переживает напряжённый внутренний поиск своих идентификационных основ, осмысление новой государственной идеологии в том числе и своей церковной политики. Это было вызвано «вызовом» со стороны Западной Европы, переживавшей глубокие цивилизационные изменения. Формируется матрица западноевропейской цивилизации. Великие географические открытия, научная революция XVII в., мощное развитие производительных сил, перестройка духовной основы общества — Реформация. На её основе, на основе протестантской этики, возникает идеология либерализма с личностным началом по отношению к религии, нации, государству, создаётся потребительская цивилизация. Это сильное западноевропейское модернистское секулярное начало было сформулировано в концепцию европоцентризма и распространялось повсеместно. В России этот модернистский секулярный процесс нашёл как своих сторонников, так и яростных противников и вызвал сложное переплетение социально-экономических, духовно-нравственных и политических катаклизмов. Катализатором этих катаклизмов явился церковный раскол в русской православной церкви. Церковный раскол произошёл в условиях, когда сильной трансформации начали подвергаться механизмы государственной и церковной власти, стали приходить новые традиции, имевшие не российское, а европейское происхождение. Расколом принято называть произошедшее, во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной церкви части верующих, получивших название старообрядцев. О расколе писали многие историки — каждый по-своему — толковали его причины и разъясняли последствия (большой частью неудовлетворительно и поверхностно). Непосредственным поводом для Раскола послужила так называемая «книжная справа» — процесс исправления и редактирования богослужебных текстов, инициаторами которого выступили царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Самый великий человек Русской истории» — так назвал патриарха Никона митрополит Антоний (Храповицкий). Но, даже если стараться быть более осторожным, то следует признать, что святитель Никон — одна из самых знаковых фигур в истории российского государства. О нём написано отечественными и зарубежными исследователями столько, сколько ни об одном другом деятеле Русской православной церкви. Никита Минов (так звали будущего патриарха Никона) родился в 1605 году в «Смутное время» на Руси в крестьянской семье в селе Вельдеманове Нижегородского уезда, кстати, совсем рядом с местом рождения своего будущего злейшего врага протопопа Аввакума Петрова. Пережил очень трудное детство со злой мачехой, жестоко тиранившей его и даже пытавшейся убить. Рано проявил глубокий интерес к духовным знаниям и церковной истории. Был послушником Желтоводского Макарьевского монастыря. Затем по настоянию родственников женился и стал священником. Трое его детей один за другим умерли в младенчестве. Тогда они с женой решили принять монашество. Она стала монахиней Алексеевского монастыря в Москве, а он ушёл на Белое море в Анзерский скит Соловецкого монастыря, где был пострижен в монахи под именем Никона. В 1643 году иеромонах Никон становится игуменом Кожезерского монастыря. В 1646 году Никон приехал по монастырским делам в Москву, где впервые встретился с юным царём Алексеем Михайловичем (царю было тогда всего 16 лет в то время как Никону было уже за сорок).

Никон произвёл на царя огромное впечатление своей глубокой религиозностью, аскетизмом, обширными познаниями в церковной литературе, живым и благородным нравом, что царь сразу же назначил Никона архимандритом Новоспасского монастыря в Москве — усыпальнице рода Романовых. Никон входит в ближайшее окружение царя и становится членом небольшого, но влиятельного кружка церковнослужителей, «ревнителей древнего благочестия», во главе с царским духовником Стефаном Вонифатьевым. В его состав также входили протопоп Аввакум, протоиерей Казанского собора в Кремле Иван Неронов и др. Члены кружка выступали за строгую церковную дисциплину, в частности, против многогласия и хорового пения. Дело в том, что тогда службы в церквях совершались одновременно сразу разными голосами: один читал молитвы, другой в то же время пел псалмы, третий говорил ектении. А при хоровом пении слова растягивались до бессмыслия, с переменной ударений, заменой полугласных букв на гласные, прибавлением новых гласных. О необходимости изменить такой порядок, в частности, вместо многогласия соблюдать единогласие, говорили ещё в своё время на Стоглавом Соборе во времена Ивана Грозного, высказывался против этого во времена «Смутного времени» патриарх Гермоген, но никто не решался изменить такой порядок. Таким образом, это была давнишняя проблема. По инициативе кружка «ревнителей древнего благочестия» Церковный Собор во главе с патриархом Иосифом и в присутствии царя постановил, что «подобает в службах по мирским церквам и по монастырям соблюдать единогласие». Этот факт, в частности, свидетельствует о том, что первоначально в кружке «ревнителей древнего благочестия» царило, как казалось, полное согласие на необходимость церковной реформы в её обрядовой части. Однако, как показали дальнейшие события, это оказалось далеко не так.

В 1649 году Никон становится митрополитом Новгородским. В Новгороде Никон проявил личное мужество, спасая во время народного бунта от разъярённой толпы новгородского воеводу боярина Хилкова. В 1652 году после смерти патриарха Иосифа Никон становится шестым патриархом «Московским и всея Великия и Малыя, и Белья России». Ему в то время едва исполнилось 47 лет. Большая сердечная дружба с царём. Царь Алексей Михайлович воспринимал патриарха Никона как отца, называл его «собинным другом» и стал величать Никона великим государём, как и себя, как некогда царь Михаил Фёдорович титуловал своего родного отца — патриарха Филарета. Однако, если тогда это определялось, прежде всего, кровным родством, то теперь — чисто духовным. А такое духовное родство царя и патриарха было близко пониманию патриархом Никоном своего пастырского служения. Уже на Церковном соборе 1654 года Никон в своём выступлении изложил концепцию симфонии священства и царства, духовной и светской власти согласно шестой новелле византийского императора Юстиниана. Царь в мирских делах, патриарх в делах духовных — оба одинаково полновластных и независимых друг от друга владыки, каждый в своей области. Насколько молодой царь прислушивался к мнению Никона можно судить по эпизоду, связанному с переносом мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Никон заставил молодого царя принести покаяние за царя Иоанна IV Грозного, как это было сделано когда-то в Византии, по примеру императора Феодосия, который посылал за мощами Иоанна Златоуста. Однако Никон, сын мордовского крестьянина, никогда не забывал о своих обязанностях по отношению к царской власти, будучи подданным светского царя. Как в своё время игумен Иосиф Волоцкий, Никон считал царя «слугой Божиим, хранителем правды Божьей и святых законов. В противном случае царь грешит и нуждается в наставлениях и обличениях. Вся истина и вся власть только в Боге». Грекофилу Никону также импонировали слова из Грамоты восточных патриархов 1593 года, утвердивших патриаршество на Руси в лице патриарха Иова: «Да во всём великая Россия православная со вселенскими патриархами согласна будет». Указанная Грамота была специально напечатана и издана Никоном в «Скрижалях». Эти идеи патриарха Никона первоначально совпадали с мнением царя Алексея Михайловича. Дело в том, что и сам царь и его ближайшее окружение в лице «ревнителей древнего благоче-

ствия» разделяли мысль о необходимости практической реализации в перспективе доктрины «Москва — Третий Рим», в объединении всех православных народов вокруг Московского царства с русским православным царём во главе. Первым шагом на этом пути была необходимость унификации богослужебных книг и церковной обрядности в соответствии с этой вселенской задачей. Однако, дело осложнялось тем обстоятельством, что в России к этому времени не было единства в церковных обрядах, не было единства в церковном богослужении, где должен быть единый культ. Между тем за исключением трёх главных обрядов, установленных ещё Стоглавом в XVI столетии: двоеперстия, двоения аллилуйи и хождения посолонь, в остальных случаях церковные чины различались друг от друга. В каждой местности была своя традиция совершения культа, записанная в местных богослужебных книгах и освящённая именами местных святых. Главных традиций было две: соловецкая, восходившая к Зосиме и Савватию и московская, восходившая к митрополитам Петру, Ионе и Филиппу. Были и другие традиции, например, новгородская. Все они создавались благодаря рукописному способу размножения. Восточные патриархи, приезжавшие в XVII в. в Москву за милостыней, стали указывать, что русские чины отличаются не только друг от друга, но и очень расходятся с греческими оригиналами. Конечно, нельзя было терпеть, чтобы русская церковь, преемница византийской церкви, попавшей под иго агарян, имела неправильные и различные богослужебные книги. Надо сказать, что богослужебные книги исправлялись на Руси при всех патриархах задолго до Никона, когда готовились к печати. Но правились только по славянским «добрым переводам» или спискам. Однако славянские списки, даже самые древние, не чужды были различных погрешностей и немало различались между собой и эти различия повторялись и в печатных изданиях при первых патриархах.

В 1649 году, ещё при патриархе Иосифе в Москву приехали патриарх Иерусалимский Паисий и образованный грек Арсений, которые первыми указали патриарху Иосифу на ряд ошибок в богослужебных книгах и церковной обрядности, которые не соответствовали греческим образцам. Тогда же патриарх Иосиф послал на греческий восток келаря Троице-сергиевого монастыря Арсения Суханова для изучения греческих обрядов. В это же время царь Алексей Михайлович обратился к Киеву с просьбой прислать в Москву «учёных мужей», знавших греческий язык. Эти киевские учёные монахи: Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и др. успели ещё при жизни патриарха Иосифа исправить по греческому тексту книгу «Шестоднев». Эта была первая напечатанная в Москве церковная книга, исправленная не только по славянским спискам, но и по греческому тексту. Вполне естественно, что и патриарх Никон, продолжая дело, начатое его предшественником патриархом Иосифом и зная, что данная инициатива исходила от самого царя, воспользовался услугами этих малороссийских учёных иноков для исправления богослужебных текстов. Отношение к малороссийским монахам было в русском народе однако весьма противоречивым. Со времени Брестской Унии 1596 года всё юго-западное духовенство на Руси подозревали в латинстве, их считали сторонниками латинской ереси, проводниками западноевропейских ценностей. Вполне, естественно, их идеал далеко не совпадал со взглядами старообрядцев, для которых мерилom ценностей служила московская старина, как она сложилась со времён Ивана Грозного. Практически все сотрудники патриарха Никона были в основном малороссийские учёные монахи и этот факт также был использован впоследствии против патриарха Никона лидерами раскола. Надо сказать, что к тому времени, когда Никон стал патриархом, в кружке «ревнителей древнего благочестия» возникло большое недовольство самой личностью Никона. Члены кружка хотели видеть патриархом царского духовника Стефана Вонифатьева, а не Никона, но царь выбрал Никона. Был и ещё ряд мелких обид на Никона. Это личностное отрицательное отношение к Никону создавало негативную атмосферу у членов кружка «ревнителей древнего благочестия» деятельностью Никона как патриарха и неприятием его церковных реформ, постепенно переросшее в церковный раскол, позднее ставший знаменем борьбы против государства социально-экономического и политического характера. А всё началось с момента,

когда Никон в 1653 году начал свою церковную реформу с того, что заменил земные поклоны поясными и ввёл троеперстие вместо двуперстия, это с негодованием было встречено членами кружка «ревнителей древнего благочестия». Дело в том, что при патриархе Иосифе книжные справщики внесли в богослужебные тексты утвердившиеся ещё в XVI в. и внесённые в Стоглав. учение о сугубой аллилуйе. о двуперстном сложении для крестного знамения, о хождении посолонь и т.д., которые и сделались господствующими в Московском государстве. Книжные правки при этом были сделаны с древних славянских рукописей, а контроль за этим процессом осуществляли члены кружка «ревнителей древнего благочестия», в том числе и будущие злейшие враги патриарха Никона протопоп Аввакум, протоиерей Иван Неронов, муромский протопоп Логгин и др. Такие шаги патриарха Никона вызвали у них крайнее озлобление. Надо сказать, что противники Никона также, как и патриарх, считали необходимым исправление богослужебных книг, но только по древнерусским рукописным текстам, а не греческим современным образцам, ибо их отношение к современным грекам после Флорентийской Унии 1439 года и находившихся под игом турецкого султана было крайне негативным. Они не доверяли современной греческой иерархии и предпочитали веру освящённую и оправданную русскими святыми.

Всё дело было и в том, что никоновскими справщиками за семь веков, прошедших со времени принятия Русью христианства до эпохи Никона греческий чин предполагался неизменным, а русский чин — изменившимся. В реальности всё было наоборот. Русский чин сохранялся нерушимым с X века, греческий же чин изменился весьма существенно. Двоперстие, принятое в Греции в X веке, заменилось троеперстием в XII веке. Справщики Никона стали исправлять русские богослужебные книги в целях ускорения времени не только по древнерусским летописям, но и по древнегреческим рукописям, привезённым Арсением Сухановым с Афона и по современным греческим печатным изданиям, напечатанным и изданным не в самой Греции, находившейся под турками, а в Западной Европе, в Венеции, Лондоне и Париже. Тем не менее продолжая свою церковную реформу, считая её частью общего плана реализации доктрины «Москва — Третий Рим», Никон заменяет сугубую аллилуйю на трегубую, хождение в крестных ходах устанавливает ходить не по солонь, а против солнца, Имя Исус, которому присваивали магическую силу, как имени спасительному, было исправлено на Иисус, кроме того патриарх вызывает в Москву из Греции и Малороссии знатоков партесного пения. По его инициативе исправлялось крюковое пение и вводилось пение по нотам. Патриарх Никон со своей феноменальной энергией, целеустремлённостью и при поддержке царя Алексея Михайловича безжалостно расправился со своими недавними соратниками по кружку «ревнителей древнего благочестия». Все они были отправлены в ссылку в отдалённые монастыри. Так возник раскол первоначально в узком церковном кругу и носил сначала исключительно религиозный характер. Таким образом, уже на начальном этапе церковного раскола столкнулись две непримиримые логики: логика национального партикуляризма противников нововведений и логика вселенского православного универсализма патриарха Никона.

Собравшийся в 1654 году в царских палатах Церковный собор одобрил все нововведения патриарха Никона в области богослужебных текстов. Однако на этом же соборе один из противников Никона епископ Павел Коломенский заявил ему: «Мы новой веры не примем». Это была явная подмена понятий. Никон никогда не думал об изменении веры. Речь шла только об исправлении церковных обрядов. Однако это стало впоследствии главной идеей раскола. Недруги Никона начали упорно распространяли слухи о том, что патриарх Никон меняет веру православную на ересь латинства. На этом Церковном соборе епископ Павел Коломенский был низложен и сослан в заточение, где и погиб. Ходили слухи, что он был тайно убит по приказу Никона. Надо сказать, что оппозиция церковным нововведениям патриарха, безусловно, имела под собой глубинное духовно-нравственное основание. Уже в начальной стадии расхождений с патриархом Никоном у первых противников Никона инстинктивно сказались опасения за русскую этничность перед западничеством, перед надвигающейся эпохой перемен, иноземных новшеств, долженствовав-

ших нарушить основы русского быта. И в этой связи они хотели укрыться от западничества в русском православном изоляционизме. Сам Никон также прекрасно понимал эту западную опасность, но в отличие от своих противников, хотел противопоставить западному европоцентризму и его влиянию на российский социум, мощную духовную преграду в великой византийско — русской традиции вселенской православной церкви. И в этом деле с присущей ему железной волей Никон сделал многое.

Патриаршество Никона составило целую эпоху в отечественной истории. При нём началось объединение двух бывших митрополий, Западнорусской /Киевской/ и Восточно-русской /Московской/, которые были разделены около двух столетий. При нём и при его главном участии началось серьёзное исправление церковных книг и обрядов, какого у нас прежде почти не бывало и вслед за тем начался и русский раскол «глаголемого старообрядства». При патриархе Никоне или, вернее, самим Никоном была сделана самая смелая из всех когда — либо у нас бывших и решительная попытка отстоять самостоятельность и независимость Русской православной церкви от светской власти, реализовать в конкретной российской действительности симфонию духовной и светской власти, гармонию отношений между священством и царством. При патриархе Никоне гораздо чаще, чем когда — либо, происходили сношения с Греческой православной церковью по делам церковным и ни один Церковный собор при патриархе Никоне не проходил без участия на нём греческих иерархов. Вполне естественно, что вся полномасштабная деятельность патриарха могла быть плодотворной только при полной поддержке царя Алексея Михайловича. Однако отношения между ними стали неуклонно ухудшаться из-за совокупности внутренних и внешних обстоятельств. Это было время, когда старая правительственная система, построенная на национальном менталитете, рушилась. Являлась новая система, положившая своим началом общеевропейскую модель. Организация же церковного управления была сколком с феодальной организации государства. Церковь сохраняла за собой судебные и пошлинные иммунитеты, огромные земельные владения.

По принятому в 1649 году «Соборному Уложению» законодательство России из местного, московского, допускавшего существование других удельных законодательств, переходило в общегосударственное. Судебно — гражданские привилегированные права разных сословий, в особенности духовенства, или совсем уничтожались или ослаблялись. До «Соборного уложения» высшее духовенство подлежало непосредственному суду царя. Суд бояр был для них унижением. По новому законодательству и они стали подчиняться Монастырскому приказу, государственному органу, состоявшему исключительно из светских чиновников, наравне со своими крестьянами. В компетенцию Монастырского приказа перешло всё судопроизводство над духовенством по недуховным делам и контроль над церковными вотчинами. Кроме того, по «Соборному уложению» было запрещено церкви приобретать и принимать в заклад служилые вотчины. Это отвечало интересам государства, которое остро нуждалось в материальных средствах и служилых людях. Духовенство обладало громадными капиталами и земельными богатствами. Дворянство, этот новый служилый класс, было, крайне недовольно привилегиями высшего духовенства, которое было освобождено от государственных податей. Всё это не могло не привести к напряжению между церковью и государством. В противовес «Соборному Уложению» патриарх Никон издал вновь пересмотренную и дополненную Кормчую, свод византийско- русских церковных и светских постановлений, которые были на протяжении столетий общеприняты в российской жизни, в которую включил «Повесть о белом клобуке», где излагалась грамота византийского императора Константина Великого римскому папе Сильвестру. Эта грамота считалась многими исследователями подложной. Однако в то время на Руси об этом не знали. Этот документ был важен для патриарха Никона как апология церковной власти и церковных имуществ. Кстати сказать, эта «Повесть о белом клобуке» была осуждена позднее на Церковном Соборе 1667 года. Наряду с объективными мировоззренческими обстоятельствами, лежавшими в основе разгоравшейся борьбы патриарха Никона со своими оппонентами, сложилось множество субъективных причин, напрямую повли-

явших на дальнейшее углубление церковного раскола. Произошли серьёзные изменения в отношениях царя и патриарха. Царь постепенно становился самовластным и неограниченным правителем, вопреки воле избравшего его Земского Собора. Это было в первую очередь связано с тем обстоятельством, что дворянство, этот новый служилый слой российской элиты, нуждался в сильной и твёрдой царской власти, стремясь заменить собой переставшую быть пассионарной боярскую родовую аристократию. Дворянство всецело подерживало «Государеву Честь». Перемены в царе произошли, когда царь Алексей Михайлович находился с армией в войнах против Польши и Швеции. Длительное отсутствие сделали его более самостоятельным и независимым от патриарха Никона. У него появились новые советники из числа очередных фаворитов из ближайшего окружения. В этой связи многие исследователи отмечают слабость характера этого «тишайшего» царя. Он легко попадал под влияние твёрдых характером людей и они часто этим пользовались. В разное время его фаворитами, корректировавшими его мировоззрение были то Борис Морозов, опекун юного царя, то патриарх Никон, то Фёдор Ртищев, то Артамон Матвеев и др.

С другой стороны, было сильным иностранное влияние на царя Алексея Михайловича от «немцев» (немецкой слободы, от которых во многом зависело военное дело, ремесло и торговля), а также греков и малороссийских монахов, один из которых, Симеон Полоцкий, становится учителем царских детей Фёдора и Софьи. У царя всё сильнее и сильнее стало проявляться честолюбие и вкус к власти, что ранее за ним не наблюдалось. В письме к князю Г.Г.Ромодановскому царь писал как раз в это время: «Бог благословил и передал нам, государю, править и рассуждать люди своя». Особенно эти новые черты характера царя проявились в период его длительного отсутствия, во время военных походов, когда он подолгу не виделся с патриархом Никоном и не испытывал на себе властного характера патриарха. В конечном счёте, он стал постепенно отдаляться от своего «собинного друга». Раздражение царя патриархом Никоном вызывало также и неудача в войне со Швецией, предпринятой по совету патриарха; тяжёлое безденежье, доведшее до Соляного и Медного бунтов, в то время как Никон был занят строительством трёх крупных монастырей: Иверского на Валдае, Крестного на Кий-острове на Белом море и Новоиерусалимского Воскресенского под Москвой. В связи с громадным строительством Никон усилил поборы с церковью и монастырём и резко возражал по поводу изъятия государством части монастырских имуществ на военные нужды. Ситуацию усугубила ещё и то, что в 1654 году распространилась по стране страшная моровая язва (так в народе называли чуму), истребившая множество населения, а следующие два года 1655 и 1656 были голодными годами, сильнейшие недороды хлеба. Противники патриарха Никона стали распространять в народе слухи, что это Божья кара за никоновские «новины».

Резко отрицательную роль в деле распространения религиозного раскола сыграла российская элита в лице ближайшего окружения царя. Среди близкого к царю боярского окружения у патриарха были многочисленные враги. И на то были веские причины. Большинство из высшей знати были сторонниками западного образа жизни и ненавидело патриарха за его грекофильские и славянофильские симпатии, за независимый образ мыслей. Они поддерживали церковную реформу Никона, потому что её инициатором был сам царь Алексей Михайлович, но не самого патриарха Никона, другие (царица Мария Ильинична, жена царя, боярыня Морозова, княгиня Урусова, князь Пожарский и Мышецкий и др. были на стороне старообрядцев и также в свою очередь ненавидели патриарха Никона. Дело дошло до того, что родной дядя царя по материнской линии боярин Симеон Стрешнев назвал именем Никона свою собаку. Никон отвечал им тем же. Так, в частности, ещё в 1654 году Никон приказал изъять из домов знати иконы западноевропейского, «фряжского письма», и сжечь. Особую ненависть вызывало у бояр титулование патриарха Никона «великим государём». Об этом говорил сам Никон в одном из своих писем к царю. Действительно, штат у патриарха был по примеру царского: стольники для служения при столе; бояре для суда; боярские дети для дежурства и т.д. Однако Никон никогда не

помышлял о теократическом правлении на Руси, о собственной претензии на власть, о каком — то соперничестве за власть с царём Алексеем Михайловичем, как об этом злословили его враги. Никон имел необыкновенные способности, обладал отличной памятью, был находчив до невероятности. Он сам перевёл с греческого языка на церковнославянский Евангелие, Апостол, занимался составлениями и изданиями древних русских летописей. В личной библиотеке Никона были произведения Плутарха, Геродота, Страбона, Аристотеля и др. В тоже время патриарх Никон был человек, хотя и с властным характером, но доброй души, простой, не хитрый и не имел понятия об интригах, с помощью которых бояре разрушили его дружбу с царём Алексеем Михайловичем. Царю стали внушать мысль, что в стране два великих государя, двоевластие, что патриарх, как римский папа, считает свою власть выше власти светской, его, царя Алексея Михайловича власти, что Никон опасный для него конкурент. С другой стороны, противниками Никона была произведена подмена понятий, будто бы Никон вообще меняет православную веру на иноверческую ересь, хотя патриарх, будучи сам убеждённым славянофилом, и не думал об изменении самой веры. Речь шла только об исправлении ряда церковных обрядов. Однако этот пасквиль стал главной идеей раскола, что будто бы Никон меняет саму веру. Таким образом, народ, любивший патриарха Никона как талантливую проповедника, принял бы его «книжную справу» и его обрядовые нововведения, если бы народ не возмутили лидеры раскола, бывшие его личными врагами, а также орудиями личных и сильных врагов Никона из числа боярской знати.

Конкретным поводом для размолвки с царём стало неприглашение Никона на встречу с грузинским царевичем Теймуразом, избиение служилого у Никона князя Мещерского царским окольным боярином Хитрово, а так же в праздник Казанской иконы Божьей Матери царь не пришёл на литургию в церковь, где служил Никон, а послал ближнего боярина, князя Ромодановского, сказать, что он на него гневается и на литургии его не будет и чтобы Никон впредь не называл себя великим государём. Видя немилость царя и не желая сделать первый шаг к примирению, Никон уезжает в Воскресенский монастырь и прекращает заниматься патриаршими делами, думая, что он, как и прежде, пользуется непререкаемым авторитетом у царя. Это было его стратегической ошибкой. Царь не позвал его обратно. Причины всего этого в противоречивом характере царя и в ловко проделанной интриге боярской элитой. После 1658 года со времени удаления Никона в Воскресенский монастырь, патриарший престол в продолжении восьми с половиной лет оставался без вновь избранного патриарха и именно в это время последовало открытое отделение раскола от официальной церкви.

С 1660 г. во главе временного управления церковью стал митрополит Крутицкий Питирим, личный враг Никона. Другой злейший недруг Никона протопоп Аввакум Петров был возвращён из ссылки, ему был первоначально оказан радушный приём, с ним лично беседовал царь, предлагая стать своим духовником, пытаясь примирить Аввакума с церковными нововведениями. Однако Аввакум был человек железной воли, непреклонного и неуступчивого характера, фанатик в защите своих убеждений, талантливый писатель и проповедник. Он сам, в свою очередь, старался склонить царя Алексея Михайловича и часть родовитой элиты на свою сторону. Отчасти ему это удалось. Сочувствие бояр, большинство которых ненавидели патриарха Никона и нерешительный характер царя — всё это содействовало тому, что личный враг Никона — протопоп Аввакум приобрёл огромную популярность. В Москву приехали также сторонники Аввакума Григорий Неронов, иноки Авраамий и Корнилий и другие враги Никона. Все они свободно проповедовали против Никона, не брезгуя всеми средствами, распространяли невероятные небылицы о нём в доверчивой и невежественной среде. Никон обвинялся в том, что якобы попирает Образы Спаса и Богородицы, нося их на башмаках, обвинялся в тесной связи с дьяволом. Одни считали Никона антихристом, другие, как Аввакум, дьякон Фёдор, поп Лазарь считали его предтечей антихриста и т.д. Но дружбы с царём у протопопа Аввакума не получилось. Царь Алексей Михайлович будучи грекофилом и сам инициатором цер-

ковных реформ патриарха Никона, не мог поддержать староверческую позицию протопопа Аввакума и его сторонников. В конечном счёте все они были опять отправлены в ссылку. Однако пасквильные, баснословные рассказы о Никоне продолжали распространяться по всей стране. Таким образом, религиозный раскол из узкого церковного круга получил широкий общественный резонанс. Более того, раскол первоначально имевший внутрицерковный характер, начатый из-за личных обид и мировоззренческих разногласий узкого круга церковных влиятельных деятелей и не заключавший в себе ни социально-экономических, ни политических моментов, постепенно стал приобретать социальную окраску, ибо эта внутрицерковная борьба падала на раскалённую почву объективных социально-экономических и политических катаклизмов и в конечном счёте соединилась с ними, придав им мощный противоборствующий религиозный стимул.

Социально-экономический срез раскола очевиден. «Соборное Уложение» 1649 года положила начало окончательному закреплению крестьян к земле. Был введён бессрочный сыск беглых крестьян и большой штраф за их укрывательство. Раскольническая оппозиция, вышедшая из средних и низших слоёв духовенства, чёрного и белого, была агрессивна в связи с угнетением от высшей церковной иерархии, с их поборами с церковью и монастырями. Также здесь сказалась их связь с крестьянством, попавшим под государственный гнёт в связи с принятием «Соборного «Уложения». Особенно это касалось сельского духовенства, плоть от плоти крестьянства, которое было выразителем его религиозной идеологии и тесно с ним связанное. Кроме того, при царе Алексее Михайловиче церковные приходы устранялись от выбора священников, как это имело дело в прошлом. Священники стали назначаться государством, став таким образом, из выборных административными лицами. Так же устранялись от священства крепостные крестьяне. Это дало возможность священникам из крепостных, становиться во главе раскола. Так расширялся круг сторонников раскола. В городах было упразднено прежнее посадское самоуправление «миром». Города были отданы царским воеводам, введено было много новых повинностей. Непомерное «государево тягло» в связи с длительными войнами, тяжёлые налоги, приводили к постоянным городским бунтам. Внешняя торговля была объявлена царской монополией и отдана на откуп иностранцам и тем самым уничтожила свободу торговой конкуренции (во внешней торговле), несмотря на, казалось бы, принятый Новоторговый Устав Ордин-Нащокина, регулировавший торговлю иностранных купцов с Россией. В свою очередь, старообрядческая городская среда стала формировать своё мировоззрение: старообрядцы — это Новый Израиль, должны приходить на помощь друг другу в борьбе с никонианцами, то есть с официальной церковью: выкупать из темницы, помогать в кризисах и т.п. Импульс распространения раскола ещё и в том, что в их среде было много богатых купцов, материальных средств. Это началось с конца XVII века. Создавался торгово-промышленный союз старообрядцев, поддерживающих друг друга и нередко подкупавших губернаторов и иных царских чиновников.

Громадную роль в распространении раскола также сыграла богатая эсхатологическая литература чрезвычайно популярная в русском народе. Здесь и Толкование Стефана Зизания на 15 слово Кирилла Иерусалимского об антихристе «Слово Палладия мниха о втором пришествии и об антихристе», «О втором пришествии» св. Ефрема Сирина, апокрифическое «Откровение Мефодия Патарского и многие другие. Особенно большое влияние на раскол имела западнорусская и малорусская эсхатологическая литература, появившаяся на Руси с момента присоединения Малороссии к России, возникшая там ещё со времени Унии с католической Польшей. Главная её мысль — представление о трёх этапах антихристовых: первый этап — отпадение папского Рима от православия, второй — отпадение Западной Руси в Унию, третий этап — отпадение Восточной Руси от православия вследствие церковных и гражданских реформ. Этот богатый запас литературных произведений не мог не породить напряжённого ожидания конца мира и пришествия антихриста. Раскольники находили подтверждения этому в Апокалипсисе. Говорили, что число антихриста 666, а так как приближался 1666 год, то вера в пришествие антихриста усилива-

лась. Год этот совпал как раз с годом Церковного собора, осудившим раскольников. На Большом Церковном соборе 1666-1667 годов, на котором присутствовали Александрийский патриарх Паисий и Антиохийский патриарх Макарий, специально приглашённые в Москву, руководителям раскола были заданы три вопроса: признают ли они правильными греческие печатные и рукописные книги, признают ли они православными греческих патриархов, признают ли они правильным Церковный Собор 1654 года, утвердивший нововведения патриарха Никона.

Упорствующих — протопопа Аввакума и попа Лазаря предали церковному отлучению; искренне раскаявшихся — Григория Неронова и епископа Александра простили. Собор постановил совершать церковные службы по никоновским нововведениям. В заключительной части Собора в 1667 году Никон также был осуждён по сути дела за попытку с его стороны, как об этом говорил его главный обвинитель Газский митрополит Паисий Лигарид, превышения власти патриаршей над властью царской. Никон был лишён патриаршего сана и простым монахом сослан в Белозёрский Ферапонтов монастырь. С этого времени и начинается собственно сама история раскола, когда раскольники начинают жить своей религиозной общиной отдельной от официальной церкви. Надо сказать, что противники Никона называли себя последователями старой веры и видели раскольников не в себе, а в тех, кто, по их мнению, уклонялся от древнего благочестия. «Новшества», шедшие с греческого Востока, они считали заведомо неверными, потому что где же было существовать неискажённым церковным преданиям на земле под турками. Ключевой платформой концепции старообрядчества соотношения духовной и светской власти являлось учение о «Москве — Третьем Риме», которое многократно повторялось в писаниях раскольников. Вслед за псковским иноком Филофеем, они видели Русь в авангарде православного мира в контексте мировой истории. И для того, чтобы соответствовать этому, Русь должна оставаться верной своим отеческим преданиям.

Парадокс заключался в том, что и царь Алексей Михайлович и Никон также хотели разыграть ту же карту, как и старообрядцы, но понимали доктрину «Москва — Третий Рим» по иному, с опорой не на древнерусскую старину, а на вселенскую восточную византийско — русскую православную традицию. Это было прежде всего связано с тем, что царь и его окружение были склонны придавать теории «Москва-Третий Рим», как впрочем и церковной реформе, политическое значение, особенно в связи с борьбой за Малороссию. Главная же идея раскола, по представлениям раскольников, заключалась в том, что русская православная церковь из-за церковной реформы патриарха Никона отступила в латинскую веру, как и в своё время греческая (со времён Флорентийской Унии) и вместе с этим отступлением наступила эра антихриста. Идея эта сообщила расколу силу, которой не могло быть в его вероучении. И когда Никон стал исправлять церковно-богословские книги, или, как считали раскольники, впал в латинскую ересь — антихристово царство, все заговорили о пришествии антихриста. После 1666 года — раскол вместе с церковным авторитетом отверг и авторитет царской власти. С того времени русские цари, по представлениям раскольников, слуги антихриста: не цари царствуют, но антихрист, который обновляется в каждом из них. На всём лежит печать антихриста: на государственном законодательстве, на его управлении и порядках. Всё это напряжённое ожидание конца мира и пришествие антихриста воспитывалось многочисленной эсхатологической литературой. Мысль о том, что правительство неправославно, что оно отступило от истины, распространяется всё более и более после Церковного Собора 1666 -1667гг. вылившись в длинную цепь открытых выступлений против государства: соловецкое вооружённое выступление монахов 1668-1676гг.; восстание крестьян и казаков под предводительством Степана Разина и так вплоть до стрелецкого бунта 1682г. до двоевластия Иоанна и Петра. И в этой связи необходимо отметить, что раскол особенно быстро начал расти тогда, когда лидерами этого движения стали уже не духовные лица, не священники и монахи, а князь Хованский, стрельцы, Степан Разин, братья Денисовы и др. Симптоматично, что 1682год совпал с казнью Аввакума и его сторонников « за великие на царский дом хулы». Они бы-

ли сожжены в Пустозёрске, городе в устье реки Печёры на берегу Ледовитого океана. В указе 1685 года уже в царствование сына царя Алексея Михайловича царя Фёдора Алексеевича раскол был официально запрещён в российском государстве: велено было раскольников ловить и сжигать. Жестокие правительственные меры, суровый характер властей встретился с не менее суровым и самоотверженным сопротивлением — черта присущая русскому национальному характеру. Появилось множество раскольнических сект. Наиболее крупные из них были поповцы и беспоповцы. Раскольники всех толков и согласий разделяли ту мысль, что государство русское лишено благодати Божьей и находится под влиянием антихриста. Но с другой стороны, считали поповцы, если государство есть орудие дьявола, то уважение к его порядкам немислимо. В тоже время, государство есть факт, а всё существующее не держится без божественного попущения. А если Бог терпит существование такого государства, то это и нас обязывает к известному роду терпимости в отношении к государству и обязаны воздавать ему внешний долг. Иное дело внутреннее сознание, совесть.

Здесь нет места никакого уважения к государству, особенно в отстаивании святой веры. И здесь оправданы подкупы, всякие обманы, подлоги и т.д. У поповцев государство есть бессознательное орудие антихриста, у беспоповцев государство становится сознательным орудием антихриста. У поповцев государство безблагодатно, у беспоповцев — богоборно. Такая секта беспоповцев, как странники, считали, что государство есть не только орудие антихриста, но оно — сеть антихриста, так, что человек, связанный различными отношениями с государством, находится уже в руках антихриста, становится его рабом. Отсюда и само название — странники. И впоследствии, когда Пётр I ввёл перепись населения и паспортную систему, бегство, странничество, возросло до необъятных размеров. Следует также отметить определённое влияние западноевропейских протестантских идей на русский раскол, особенно на такие беспоповщические секты, как молокане, духоборы, нетовцы и др. Возможно, правда, не на прямую, а через рациональные учения ересей жидовствующих, секты Фёдора Косого и Матвея Башкина. которые не были окончательно искоренены в прошлом и впоследствии оказали заметное влияние на раскольнические толки и согласия. Особенно крайние формы неприятия государства среди раскольников вылились в практику массовых самосожжений. Идеология и практика самосожжений связана с идеей раздвоения мира и воцарения в нём зла. Недостаточно уйти из мира антихриста в странничество, ибо всё равно, живя в этом мире, христианин запятнал себя общением с ним, несёт на себе печать греха. Надо очиститься от всяких следов антихриста, от всяких следов злого царства. Крещение в Иордане было одним из средств такого очищения, считали последователи этого учения, но оно сегодня недостаточно для получения мученического венца, необходимо было принять второе крещение огнём. Тысячи крестьян и жителей посадов бежали на окраины государства: в Поморье, на Север, Урал, Заволжье, Сибирь, где основывали свои скиты — поселения. Таким образом, раскол был следствием совокупности объективных и субъективных причин как личностных, так и социально — экономических, политических и духовно-нравственных и в контексте российского социума в той связи как развивались в нём события, был неизбежен.

Б) Последствия социальных катаклизмов второй половины XVII века. Последствия раскола.

Цивилизационный «вызов» Запада, а также войны России с Польшей, Швецией, Турцией, присоединение к России Малороссии выявили проблемное поле государственных преобразований в военной сфере, государственном управлении, налоговой системе и, конечно же, прежде всего в политической централизации. В поисках путей «ответа» на «вызов» Западной Европы в один клубок органически сплелись проблемы социально-экономического порядка, политические, законодательные, религиозно-нравственные, церковно-государственные отношения и т.д. Для решения этих проблем необходимо было консолидировать российскую правящую элиту и создать сильную самодержавную власть.

Социальные катаклизмы «бунташного века» заставили ускорить эти процессы. Вторая половина XVII века — это время перехода от старой правительственной системы, построенной на национальном менталитете, к новой государственной модели, положившим своим началом западноевропейскую модель.

Реформирование российской государственности второй половины XVII столетия прежде всего определялось кризисом сознания русского человека того времени. Осмысление новой государственной идеологии шло рука об руку с переменами в жизни русской православной церкви. Отсюда и появление такого явления в русской жизни как раскол. Источник раскола, как и всего «бунташного века» второй половины XVII века в столкновении двух процессов: централизации государственности как «ответ» на «вызов» Запада и местного регионального сепаратизма. Лидеры раскола, как церковные, к примеру Аввакум Петров и его единомышленники, так и светские, ставшие позднее во главе раскола, братья Денисовы и др., отстаивали местное, русское православие, выработанное многовековой национально-религиозной жизнью русского народа. Неслучайно, ключевой платформой концепции старообрядчества являлось учение о «Москве — Третьем Риме» которое многократно повторялось в раскольнической литературе. Вслед за псковским монахом Филофеем они рассматривали Россию, как лидера всего православного мира в контексте событий мировой истории. Они считали, что для сохранения своего лидерства, Россия обязана оставаться верной отеческим преданиям. Лидеры раскола полагали, что сам ход истории предопределил место России среди враждебного окружения: латинство, протестантизм, ислам. Отсюда корни их национально — религиозной нетерпимости как способ защиты своей национальной идентичности. Кроме того, старообрядцы, по крайней мере первоначально, были категорически против ограничения царской власти властью патриаршей. Отсюда у них сходство с Иваном Пересветовым и царём Иваном Грозным, которые в своих сочинениях обосновывали причину падения византийской империи ограничениями, как они считали, имперской власти властью патриаршей. На эту же причину указывал и, в частности, такой видный полемист, как Аввакум. Кстати, на эту причину, как на смертельную угрозу для государства, будет ссылаться для обоснования своей церковной политики позднее и Пётр I, говоря о «папёжных замахах» патриарха Никона. Таким образом, конкретная идеологическая парадигма старообрядцев соответствовала мировоззренческим постулатам, присущим времени расцвета Московского царства периода Ивана Грозного и шла вразрез со взглядами российской правящей элиты второй половины XVII века.

Не случайно в этой связи, что под знаменем религиозного раскола объединились со временем самые разношёрстные элементы: обломки старины вроде остатков родовитого боярства и остатков стрелецкого войска, выходцев из посадского и крестьянского сословий, закрепощённых дворянским государством и т. д. Такая староверческая революция со времени правления царя Алексея Михайловича и вплоть до стрелецкого бунта (1682г.) периода двоевластия царей Иоанна и Петра будет постоянной смертельной опасностью для модернизирующейся российской государственности, сползания её на путь кондового охранительного консерватизма. В противовес взглядам лидеров раскола царь Алексей Михайлович прекрасно понимал необходимость укрепления политической роли государства с опорой на новый служилый класс, новую правящую элиту — дворянство. Царь — носитель государственных интересов. Патриарх Никон также сторонник укрепления государственности, но только в симфонии с властью церкви. Интересно отметить, что и патриарх Никон и первоначально находившийся под его влиянием царь Алексей Михайлович и протопоп Аввакум были единомышленны в главном — они, безусловно, верили в то, что Московское царство «Москва-Третий Рим» — это попытка сокращения пределов деятельности Сатаны в мире. Однако пути реализации этого концепта, пути развития российского государства, у них были абсолютно различны. В этой связи протопопа Аввакума и его окружение и последующих лидеров старообрядцев можно назвать охранительными консерваторами, ибо главным мерилом духовно-нравственных ценностей у них являлась истина древней русской православной церкви, сохранившаяся, как они считали, в неизмен-

мости и чистоте. Позиция патриарха Никона — динамический консерватизм. Он прекрасно понимал необходимость государственных преобразований, государственную модернизацию. Но он не принимал инфильтрацию в Россию западноевропейских секулярных духовных ценностей, с необходимостью проникавших в страну вместе с материальными заимствованиями во всех сферах российского социума: военном деле, торговле, промышленности, культуре. Патриарх Никон думал противопоставить этой духовной западной интервенции концепцию симфонии светской и духовной власти, когда церковная власть должна духовно окормлять власть светскую, не давая ей становиться абсолютной. Опору в реализации своей концепции патриарх Никон видел в сильной царской власти и в великой вселенской византийско — русской православной традиции. В этом для Никона состояла мировая задача России. Глубина мысли патриарха Никона была, к сожалению, не понятна ни царём Алексеем Михайловичем, ни тем более правящей элитой, которая в большей своей части уже была пропитана западноевропейским образом жизни. Правящая российская элита предпочла пойти по пути европоцентризма. Однако, столкновением этих трёх точек зрения, обострявшим внутренние противоречия, имевшим своим началом «бунташный век» второй половины XVII в.: старообрядческой, никоновской симфонии властей и западной модели — будет пронизана вся последующая отечественная история вплоть до сегодняшней России.

Наследниками старообрядческой концепции станут в большей своей части торгово-промышленные круги российского предпринимательства, в недрах которого бережно сохранялась и оберегалась уникальная православная хозяйственная этика, сакральным смыслом которой был труд как богоделанье, служение Богу, в отличие от рационалистического понимания труда как только средства извлечения прибыли, как средства существования, или обогащения, как это имело место в среде западноевропейского предпринимательства и приходило во второй половине XVIII в. в Россию вместе с «созданием связей буржуазных». Сохранение сакрального отношения к труду, как угодного Богу, дало возможность русской старообрядческой промышленной буржуазии в начале XX столетия по темпам промышленного развития опережать все страны мира. Другой, возможный путь, на который могла бы вступить Россия, изложенный в концепции симфонии священства и царства патриарха Никона, найдёт своё преломление в деле митрополита Арсения Мациевича в период царствования Екатерины II, в славянофильской соборности, отчасти в уваровской формуле «Самодержавие, Православие, Народность», в дебатах в церковных кругах начала XX века, и вплоть до религиозно-философского дискурса в современной России. Российская правящая элита, выбравшая западный путь развития, способствовала религиозному расколу в церкви и российском социуме; отпала в своей большей части от православных духовных ценностей, соблазнившись западными интересами; разрушила в дальнейшем русскую общину, стремясь подменить её западными принципами хозяйствования; инициировала цивилизационный раскол государства (с XVII в.); и в конечном счёте, оказалась неспособной сохранить российскую православную государственность в XX в. Таким образом, значение раскола и всего «бунташного века» в отечественной истории определяется тем, что он явил собой видимую отправную точку духовных противоречий и смут, растянувшихся на многие десятилетия и завершившихся в начале XX столетия разгромом русской православной цивилизации.

Литература

- Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. М.: Молодая гвардия, 1989.
Военная энциклопедия. Русская военная сила. М.: ЭКСМО, 2008.
Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.
Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне. М.: Языки славянской культуры, 2004.
Исаев И.А. История России: традиция государственности. М.: ЮКСИ, 1995.

- История Отечества. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.
- Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М.: Патриот, 1990.
- Каргалов В.В. На границах стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII-XVIII вв. М.: Русская панорама, 1998.
- Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. Св. Троице-Сергиевой лавры, 1912. Т.1-2
- Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 гг. М.: ИРИ РАН, 1998.
- Крижанич Ю. Политика (Беседы о правлении). М.: Новый свет, 1997.
- Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1987. Т.1.
- Лобачев С.В. У истоков церковного раскола // Отечественная история. 2001. №2. С.134-141.
- Малов А.В. Русско-польская война 1654-1667гг. М.: Цейхгауз, 2006.
- Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза и И.В. Ефрона. М.: Терра, 1994.
- Материалы по истории раскола. М., 1879. Т.5.
- Очерки русской культуры XVII в. / под ред. А.В. Арциховского и А.М.Сахарова. Ч.1-2. М.: Изд. МГУ, 1979.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
- Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993.
- Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.
- Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987.
- Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т.5.
- Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т.14.
- Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М.: Соцэкгиз, 1960. Т.5.
- Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М.: Магистр, 1996.
- Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661гг.). М.: Индрик, 2010.
- Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М.: Наука, 1978.

Д.М.ВОЛОДИХИН ДВЕ МОСКВЫ

Нынешняя Москва — это две Москвы, живущие друг с другом в тесном объятии, по необходимости терпящие друг друга, но разные по происхождению своему, по идеалам и устремлениям. Каждая из них воспринимает вторую как раковую опухоль в своем теле. Каждая хотела бы избавиться от второй, вырезать ее... Но где взять такие силы? Где отыскать таких врачей? Ведь подобная операция означает миллион надрезов, сделанных по всему телу города, рассечение многих его внутренних органов надвое, такую перемену быта, которая при любом исходе обернется великой болью и долгой немощью.

И, однако, перемена должна совершиться. Двум душам в теле одного города не ужиться. Одна из них покинет Москву, расточится, или хотя бы ослабеет до такой степени, что окажется в полном подчинении у другой. Так будет. И хорошо, если трансформация эта пойдет мирным маршрутом, медленно, постепенно. Взятое с бою, надрывно, в ярости и кипении, созданное путем ломки и перекраивания, в конечном итоге прочным не бывает. Да и обходится слишком дорого. Поэтому — лучше бы великая борьба приняла формы эволюции, неспешного количественного роста на одной из сторон, перед тем как совершится окончательный качественный переход к ее преобладанию.

Итак, одна душа Великого города — странная, заемная, нечистая. Последнее слово в этом ряду — самое верное. Это именно «нечистый дух», разрушитель и соблазнитель. Он ничего не производит, он к творчеству не способен, ибо в натуре его нет иных потенций, помимо способности обезьянничать, искать свою корысть, прельщать и подчинять слабые души. Именно он творит тот фантом темной и жестокосердной Москвы, который так ненавидят по всей России. Суть его ложь, фальшь, самозванство; света он не любит, правды опасается. Возрос он из идеала личного комфорта, материального благосостояния и, в конечном итоге, всегда означает приоритет денег.

В Москве слишком много собралось такого человеческого материала, который не только не способен создавать нечто новое, красивое, полезное, но даже и то, что имеется в наличии, не может поддерживать в должном состоянии; более того, когда речь идет об исполнении административных, профессиональных, нравственных обязанностей, уже и они оказываются на втором плане. Тысячи московских чиновников, охваченные властью нечистого духа, обогащаются, брезгуя своей работой, превращая ее в источник дохода, душу и совесть свою продавая по кусочку ежедневно и ежечасно. Тысячи высших предпринимателей, сойдясь с теми же чиновниками в темном альянсе, высасывают из казны деньги на пустое; и даже взяв из казны на стоящее дело, исполняют его худо, немислимо дорого, а то и вовсе не исполняют, удовольствовавшись дележом добытого. Тысячи их защитников, вооруженных стражей, мыслят о долге своем как о нудной необходимости — устрашая народ, очищая у него карманы.

Что они видят в будущем своем, помимо роскоши — всё возрастающей, принимающей самые невероятные формы, близкие уже к бессмыслице, но столь пленительной? Да ничего. Ни города, ни страны, ни народа, ни веры, ни даже самой простой доброты человеческой. Тех, кого интересует нечто большее, выходящее за пределы этой роскоши, они люто презирают. И в среду свою им трудно принять такого человека. Дело их жизни — игры пустоты. Деньги, созданные трудом страны и ее естественными богатствами, обращаются в бумаги административных циркуляров, в воздух спекулятивных операций, в жир, свисающий с боков милиции, которая ныне вызывает у большинства москвичей страх и омерзение. Эта Москва слишком обильна дорогими машинами, нелепыми скоплениями геометрических ритмов, которые именуются «бизнес-центрами», слишком много тратит на роскошь, ни в малой мере не являющуюся необходимостью, слишком цинично

соревнуется в том, сколько золота пойдет на очередной монументальный толчок, воздвигнутый в очередном «замке» на Рублевском шоссе.

В искусстве она выражает себя дорогостоящим сумбуром.

Пляски электрических огней на фасадах казино, хаотическая разностилица архитектуры, бесконечный кубофутуризм и неоконструктивизм банков, торговых центров, корпоративных барачков... Обыкновенное тупое распутство, выведенное на сцену в немыслимо дорогих декорациях, в немыслимо дорогом техническом оформлении, безгласное и безмысленное. Культ холеного тела. Сентиментальная жвачка. Гыгыкающие интонации. Беллетризация потаенных фантазий безбрежного воинства, навечно прикованного к офисным компьютерам. И очень большое желание заменить тех, кто живет не так, не того желает, не тем силам подчинен, на полки и армии безгласных «гастов».

Эта Москва распространяет по Российской державе вонь. Не зря у слов «золото» и «золотарь» столь много общего! Золотой блеск бешеной удачи, — триумфа в распутстве, в преступлении, в подлости, но все-таки именно успеха — тянет сюда слабых людей со всей страны. Придите, поклонитесь тельцу, и он, быть может, пожалует, осыплет купюрами! Или даже позволит красоваться на телеэкранах. О, если ты попал в «ящик», не выполнил ли ты жизненное предназначение?

Поэтому миф, растущий, поднимающийся от этой Москвы, черен. Он обещает: да, там, в пределах МКАД, лежит Эльдorado. Умный, ловкий, энергичный человек, может озолотиться с ног до головы, оттерев косных стариков, послав подальше скучных моралистов и отшвырнув со своего пути тупых ленивых коренных москвичей. Спешите! Вас будут знать миллионы. У вас на счету будут миллиарды. ЯвИтесь на поле чудес, приложите ваши способности, деритесь, ломайте хребты, отдавайтесь, даже работайте много, если ничего другого не остается, и ваше будущее обеспечено. Итак, бросьте всё, придите, поклонитесь тельцу...

Рядом с этой душой Москвы, внутри нее, проникая в нее и со стоном выдерживая ответные проникновения, обитает совершенно другая.

Иная душа издревле живет в Великом городе, время от времени обновляясь. Она — Порфиородная, самим Богом призванная властвовать. По сосудам ее течет царственный дух, как тек он по венам Рима и артериям Константинополя, как наполнял он капилляры Иерусалима. Эта душа благородна, чиста, сильна. Ее сила рождается из крепкого стояния на вере. И даже в те времена, когда Христова истина шаталась на Руси, претерпевала гонения, была унижена и опозорена, в Москве она все-таки не теряла корней, жила, выживала, поднималась на ноги после страшных болезней, после многолетнего истощения. Пусть в советское время ее не знали, не могли знать миллионные массы москвичей, но все-таки присутствие ее чувствовалось. Тепло, исходившее от храмов, эстетическое чувство, коим веяло от старинных домов, от древних улиц и переулочков, возведенных предками христианами, сила земли, шедшая от прекрасных московских парков, и даже обезображенная краса Кремля, когда-то призванного оборонять эту царственность, рождали глухое ощущение прекрасной силы, ушедшей в подвалы души, немолчающей, притаившейся, но все-таки дожидающейся своего часа.

Вот она возродилась. Сотни тысяч, быть может, миллионы пошли в храмы, поклонились не тельцу, а приходскому иерею, узнали молитвенное правило, исповедь и причастие. Да хотя бы и те, кто ни разу не бывал в церкви, но все-таки унаследовал от родителей, от дедов и прадедов, ум, энергию, колоссальную русскую жизнестойкость, колоссальное русское трудолюбие, естественную порядочность, доброту, склонность к милосердию, — что ж, и они стоят на фундаменте христианских добродетелей, до сих пор не до конца разрушенных, до сих пор управляющих судьбами Русской цивилизации.

Это другая Москва. Она трудится, не щадя себя. На двух, а если понадобится, на трех работах, честно добывая хлеб насущный. Она делает свое дело, как надо. А по ночам садится за рабочий стол дома, чтобы украсть у сна время, необходимое для творчества. Она не кичится ни богатством, ни пропиской, ни столичным статусом. Она просто под-

ставляет хребтину под вялую тушу первой, пустой Москвы, она пашет, как и вся Россия, она желает изменить положение дел к лучшему, как и вся Россия, она ищет путей развития, — таких, когда каждому даровано будет право расти в меру способностей, обеспечивать себя и свою семью в меру приложенных усилий, относиться к соотечественникам как к одной большой дружелюбной семье, — как и вся Россия...

Эта Москва обладает колоссальной творческой силой. Недаром здесь всегда были в почете разного рода интеллектуальные кружки, студии, сборища художников, писателей, поэтов, ученые общества, клубы разного рода профессионалов, группы высокоумных спорщиков, не вылезавших из дискуссий о высших смыслах бытия. Здесь каждый с бешеным упорством ищет применения личной потенции — творческой, интеллектуальной, художественной. Здесь витальность хлещет через край. Здесь не любят выходные, поскольку они выбивают из рабочего ритма. Впрочем, работать можно и дома. А можно пойти в театр, музей, пройтись по улицам, где сохранилась благородная старина... Здесь презирают бездельников. Здесь свысока посматривают на весь тот гламур, который притягивает к себе искателей приключений из разных концов страны — тот самый, блескучий золото-золотарский... Здесь издавна живут в напряженном ритме, опасаясь «не успеть хоть что-то успеть» в этой жизни.

Иногда кажется, что вторая Москва вся обращена в прошлое. Что она поживет еще немного и модернизируется до состояния питательного бульона для сверхсовременной и сверхбессовестной первой Москвы. Что она вконец исшаёт, ничего не останется...

Ан нет, здесь любят не прошлое, а вечное. И выходя из кривых переулочков Ивановской горки, из приарбатского кружева, из тенистых сонных анфилад между Поварской и Тверской, высшие, вечные смыслы посещают великие проспекты московского юга, забредают на пролетарские окраины, тревожат умы завсегдаев в кафешках на Бульварном кольце.

Москва вторая привыкла к величию и жаждет отыскать продолжения тех ампирических коридоров, которые ведут от времен князей-Даниловичей во времена звездолетов. Коридоры эти пресекались, своды обрушились, выросли какие-то грязные нелепые двери, перекрывающие дорогу. Но тут всё можно вычистить, отстроить заново, снять с петель лишнее. А лишнее это и есть Москва-первая — скопище ленивого, опасного, подлого люда.

Лучшие символы Москвы-Порфиrogenиты, и ее же концентрированная совесть — монастыри. Не напрасно столько усилий вложено в их восстановление. И скачущий пульс духовной жизни города сплетен с неподвижным монастырским духом, с тягостью москвичей к старинным обителям. Обителями истинная Москва укореняется, обителями славится, обителями очищается, обители придают ей вес посреди бессмысленных пустот стяжательской суеты.

В искусстве Москва вторая выражена через тягу к культурному хранительству. Ее силами реставрируются храмы, особняки, доходные дома в стиле модерн, создаются новые музеи, новые театры, ставятся новые памятники. Среди тех, кто принадлежит духу Порфиородной, любимое развлечение — пройтись по тем улицам, где живы еще прошлые века: с XVI-го по начало XX-го, погружаясь душой и мыслями в мир России, «которую мы потеряли». В торжественную ее праздничность, в мощь военную, в кипение торгов и купеческие неохватные затеи, в парение времени между перекличкою стрельцов на кремлевских стенах и гомоном салонов Пушкинской поры.

Порфиrogenита отторгает всё, что идет вразрез с ее державностью. И груды современных бизнес-построек воспринимается ею как нечто неприличное, — большей частью, не из-за того, что Порфиrogenита отторгает всё новое, а из-за того, что нет в лихорадочном свечении неоновых ламп, в бетонометаллическом месиве абстрактных форм и в углой роскоши «мерсов» ничего живого. Это не новое, это морок, безвременье, тяжкий хмельной сон, отягощенный кошмарными видениями. Чем тут дорожить? Чем восхищаться? Что продолжает древнюю судьбу Москвы, а не противуречит ей? Пустое отвергается, но ведь на то оно и пустое. Однако, лишь только появится нечто, родственное багрянородной

душе Москвы, так сразу же становится оно своим, срастается с нею нерасторжимо. Например, когда дворец в Царицыне, брошенный еще при Екатерине II, был достроен, мгновенно стал он частью державной Москвы, мгновенно был ею принят. Храм на Бутовском полигоне — плоть от плоти истинной Москвы. Как, впрочем, и величественный Троицкий храм на Борисовских прудах, посвященный тысячелетию Крещения Руси, выполненный в византийском стиле, расписанный Василием Нестеренко со товарищи. Или нарядные храмы святой Троицы в старых Черемушках, Иконы Пресвятой Богородицы «Державная» в Чертанове... Или скульптуры работы Вячеслава Клыкова... Или живопись Павла Нестеренко, Ольги Крестовской, Валерия Харитонов... Или подземный музей на Манежной площади...

Миф, который порождается истинной Москвой, принимает образ надежды. Москва христианская, византийско-русская, обещает новый рассвет. Обещает мост из прошлого в будущее, пролегающий над грязным болотом настоящего. В этом мифе нет ни тьмы, ни безнадежности. Напротив, он наполнен солнцем, ощущением начинающейся весны, ароматами цветущей черемухи и сирени. И пусть весна эта едва-едва выбирается из грязных, смерзшихся снегов, пусть холодными водами залиты низины, пусть дороги разбрызгли, а все-таки она неостановимо катится к лету, к очередному расцвету русскому. Москва вторая — навигатор будущей России, прошедшей Второе Крещение и рехристианизирующей мир.

Последние двадцать лет, если не больше, Россия мается толками о конце света. И как великую истину образованные верующие воспринимают известные слова: «Сейчас позднее, чем кажется».

Крушение Советского союза, отступление России, страшные потери наши в людях, в культуре, в экономике столь многих заставили почувствовать биение апокалиптического пульса... Сегодня. Днем. Может быть, вечером. В крайнем случае, завтра на заре! Четыре всадника поскачут над холодеющей землей, и ангелы вострубят, и кровью обернется вода, и усталые люди увидят торжество справедливости. Тех, кто столько терпел, поведут в Царствие Христово. И пусть еще куражится антихрист, конечное торжество не за ним.

А может быть, уже он среди нас? Может быть, Последний Суд уже идет, и с книги упали печати, и процесс над людскими душами длится десятилетия, если только не века? Ждете антихриста в гости? Так он на пороге вашего дома! Вот здесь он! Нет, — вон там! И это не человек, это «мысленное оболъщение», его и увидеть-то сумеет далеко не каждый, но всякий, кроме истового праведника, покорится.

В глухих старообрядческих деревнях 90-е обновили уверенность в том, что Апокалипсис переместился из будущего в настоящее. И там твердо знали: антихрист явился, двенадцать черных апостолов его сидят по столицам и творят злое дело. Старенькая бабушка, какая-нибудь Елизавета Савиновна или Кавронья Марковна, без страха открывала дверь любому человеку, пусть и глушь, пусть и бродят беглые уголовники, а на вопрос: «Как вы только не боитесь?» — отвечала с томительным желанием быть испытанной, пострадать за веру и получить верное спасение как мученица: «Чего ж бояться? Пророчество уже исполняется».

На наших глазах светлое, благое, дарующее надежду учение о Катехоне трансформируется в кошмар духовного самозапираания. Святая Русь в кольце фронтов! И все ворота на засов! Мы не допустим к себе врагов! Мы встретим их кличем славных бойцов! А если враги, исчадия ада, уже внутри нашего города, если вошли они в наш дом, не станем есть вместе с ними, не будем вести с ними бесед, молча умрем под их топорами, но только не заставят они нас изменить Отцу Небесному!

Время наше оболъщает умных, крепко верующих людей сделаться новыми старообрядцами. Забиться в подворотни, убежать в горы, укрыться в пещерах, молчать и трястись. Будто мы не Церковь, а секта. Или бросить в шикарную иномарку гранатой, откопанной на местах сражений Великой Отечественной, выйти на площадь и обличить густой

мрак, давящий на грудь, забивающий легкие липкой слизью... Умрем же за аз единый! За старый советский паспорт и в борьбе против ИНН!

Многие, слишком многие испытывают желание совершить какое-то дикое ритуальное самоубийство. С громким молитвенным пением облить бензином на Красной площади и попросить друга поднести спичку к волосам. Дабы формально на небесах это не было засчитано за смертный грех самоубийства.

И... что?

Вот так, в глухой обороне, провести всю жизнь?

За страхом Божиим — очень полезной, очень важной вещью, вот только не главенствующей в жизни христианина — перестать видеть любовь Господню, перестать ощущать благодать Творения, отложить благодарения Богу за Его милосердие и щедрость? А потом страх Божий заменить на какое-нибудь чучело, вроде страха глобализации или страха перед тем, что не спросил у духовника, можно ли есть креветок по постным дням?

Не Святая Русь оказывается в кольце фронтов, а душа затравленного, запуганного христианина, готового уйти в затвор, чтобы в затворе найти светлый град Китеж, но находящего только вонючий сырой подвал.

В таких условиях Катехон обретает скверное и мутное значение жестокой силы, которая способна лишь ставить высокие стены, сажать на кол отступников, да сберегать последние, крохотные лоскуточки света для ничтожной кучки «истинно праведных».

Но это ли — Катехон?

О Катехоне сказано в том месте 2-го послания святого апостола Павла к фессалоникийцам, где говорится о новом пришествии Христа. Тогда, как и сейчас, нашлись люди, которые считали, что конец близок, а потому бросили свои повседневные занятия и труд. Их вразумлял Павел: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: *ибо день тот не придет*, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (Фес. 2:1-12).

О том, что представляет собой Катехон, написано очень много. Смысл понятия «Удерживающий» толковали на разные лады в эпоху средневековья, обращались к нему и позднее. Сообщество современных интеллектуалов России постоянно творит тексты, так или иначе апеллирующие к этому понятию, хотя к единому толкованию до сих пор православные публицисты не пришли.

Вот наиболее «классическое», наиболее традиционное понимание проблемы: «Удерживающим, или по-гречески Катехоном, в понимании православной традиции является власть Римской империи, наследницей которой явилась империя Византийская, а за ней — Российская. Катехон будет стоять до последних времен и всегда ограждать не только Церковь, но и нормальное существование человечества, его законное, правовое существование в противовес аномии — беззаконию, демоническому хаосу, несущему смерть не только физическую, но и духовную» (прот. Андрей Новиков). Большую популярность получила идейная платформа, в соответствии с которой надо ставить знак равенства между российским самодержавием и Катехоном, — во всяком случае, для эпохи но-

вой и новейшей истории. Это значит: в ближайшее время самодержавие следует восстановить. А пока реставрации не произошло, сама Царица Небесная занимает монаршее место в России. Когда же чаемое восстановление произойдет, ничего иного ждать не следует — вплоть до Страшного суда. Егор Холмогоров предлагает более широкое определение: «Идея “удерживающего” многообразна и многозначна, не сводясь только к определенной системе власти и к лицу монарха. В некотором смысле “удерживающим” может считаться всё то, что проникнуто Божиим благословением и что препятствует развитию “мистерии аномии” и пришествию вслед за ней антихристового порядка. На одном уровне это может быть геополитический субъект, на другом — государственное установление, на третьем — добрый благочестивый обычай. Однако общий знаменатель всех форм и видов “удерживающего” один. “Сдерживание” антихриста не есть самоцель. Это средство для осуществления другой, стократ важнейшей миссии — спасения человеческих душ. Там, где царит истинный, затронутый благодатью порядок, где не разрушена, по выражению архимандрита Константина (Зайцева), “аппаратура спасения”, там большее число людей имеет шанс уберечь свою душу, спасти ее от растрепания антихристом... Там, где существует защищенный от аномии социум, в котором люди поддерживают посредством социальных связей благочестие друг в друге, там путь человека к Богу надежно огражден от насильственного прерывания».

«Самодержавная» точка зрения слишком тесно связывает апостольские слова с определенной формой организации политической власти. Да, скорее всего, святой Павел говорил о сильной власти, исходящей из центра Империи и поддерживающей должный порядок. Сильная власть, дающая обществу порядок, предохраняющая культуру и быт от деструкции, преданная идеалам христианства, может принимать разные формы. Центр этой власти, столица Империи, способна транслировать «царственность», т.е. в данном случае, священную способность Катехона к этой работе и право его заниматься ею, в другой город. Так «царственность» перешла от Рима к Константинополю, а из Константинополя в Москву — ради того, чтобы катехоническая власть могла заниматься своим делом. Но, во-первых, власть первых преемников Октавиана Августа, — так называемый «принципат», — весьма близка к республиканской и соединена тысячами неформальных нитей с политическим устройством Рима, каким оно было до Цезаря. Какое уж тут самодержавие! Что же касается власти византийских василевсов, то она прошла через несколько стадий развития, и нередко бывала весьма далека от идеалов самодержавного правления. Неужто те два образца катехонической власти были неистинными? Да и наше, русское самодержавие установилось довольно поздно — не ранее третьей четверти XVI столетия, то и дело претерпевало ограничения, а то и вовсе перерывы в функционировании — как, например, в годы Смуты или же после 1917-го. Что ж, и оно, выходит, какое-то ложное, ибо не соответствует градусу «чистоты», заданному чисто теоретически? Во-вторых, вот уже несколько поколений русских православных интеллектуалов заморожены пророчеством инока Филофея из псковского Елеазарова монастыря, по которому выходит, что Москва — Третий Рим, а четвертому «не быти». Значит, Москва — последняя в цепи. Филофей — многомудрый церковный публицист первой половины XVI века. Но он не удостоился канонизации, не является пророком и, подавно, не может рассматриваться как автор нового отрезка Священного Писания. Относиться к его словам надо соответственно. Иными словами, их следует воспринимать как красивый образ, фигуру речи, но не более того. Отчего христианскому миру обязательно надобно ждать Страшного суда после того, как Москва в роли очередного носителя катехонической власти до конца исчерпает себя? Бог наш всемогущ, будущее непроницаемо для простых смертных, а пути Господни неисповедимы. Может, будет четвертый, пятый, десятый носитель катехонической власти, может, она вернется в Москву в виде самодержавия, может, в другом виде, а может, никогда больше здесь не появится. Концепция Филофея — всего лишь теологумен. А ее воплощение в реальность зависит от милости Господней к нашему народу, а также от того, насколько сам народ способен прикладывать усилия к имперскому христианскому строительству. Ниче-

го заранее и твердо установленного, особенно для нашего времени или ближайшего будущего, у Филофея искать не стоит. Призыв инока Филофея — созидательный, мощный, поднимающий на большую работу. Именно призыв, но никак не пророчество.

Определение Егора Холмогорова хорошо тем, что оно демонстрирует простую истину: там, где Катехон выполняет свою функцию, спасение душ возможно; следовательно, территории, подконтрольные Удерживающему, это земли спасительные. За пределами оных земель возможна лишь гибель, мученическое исповедничество или бегство под сень Катехона. Но взгляд на Катехон как на набор сущностей, а не один какой-то феномен (или, может быть, личность), содержит в себе определенный риск. Возникает соблазн всюду видеть маленькие катехончики. На одном уровне катехончик, на другом, на третьем, на пятом и на десятом по штучке... А в Священном Писании речь определенно идет об одном-единственном Удерживающем.

Итак, если Катехон — сильная власть, предохраняющая общество от анархии, атомизации, нравственного разложения и обеспечивающая «территорию спасения» для христиан, то он не должен ассоциироваться исключительно с осажденной крепостью. Парадоксальным образом, *Катехон — это еще и армия, осаждающая неприятельскую крепость, ведущая наступление.*

Рим Первый, Рим Второй и Рим Третий в цветущем своем состоянии не только позволяли христианству «удерживать стены». Нет! Они давали ему возможность невероятно расширить пределы «территории спасения».

В Древнем Риме происходило первичное освоение Христовой верой Средиземноморья. Рим второй позволил расширить миссионерскую деятельность далеко за пределы Империи. Рим Третий, помимо собственно-русской, коренной территории, проповедовал слово Христово на колоссальном пространстве от Кольского полуострова до приамурских земель, от Печенги до Анадыря. Речь шла не только и даже не столько о том, чтобы не пустить к себе в дом чужое тлетворное влияние — дом был крепок и любое поветрие подобного рода унималось, не успев набрать силы. Но духовенство наше смело шагало в незнанные края, на дикие земли, в глушь, доселе не знавшую креста, и там утверждало истину.

Что ж теперь, забыть обо всем этом? Оставить несчастному, сжавшемуся, едва живому Катехону функцию простого ночного сторожа с ключами от бесчисленных ворот и берданкой за плечами?

Ни в коем случае.

Ибо у него опять появилась территория, где необходима проповедь, где маленькие «островки спасения» всё никак не сомкнутся в единое пространство.

Христианство изветшало и в России, и в Америке, и, особенно, в старой Европе. Прохудилось, дыра на дыре, и уже не хватает материала на заплатки, а потому нужен новый материал на замену старому. Иными словами, *речь идет о необходимости рехристианизировать колоссальные регионы, где вера Христова была проповедана очень давно, укрепились, прожила многовековую жизнь, порой весьма богатую в культурном смысле, и умерла. Или, во всяком случае, находится в предсмертном состоянии. Теперь нужна ее реставрация, никак не связанная с незначительными «количественными» улучшениями. Нужно очищение, несущее в себе мощный заряд культурных ограничителей, без которых европейское и — шире — европеизированное общество расплзается на гнилые тряпки, травится оккультизмом, принимает провинциальных азиатских гуру как великих духовных учителей, кланяется шаманам, заглядывается на прелести вуду... да и просто впадает в состояние варварства. Первобытная аномия всё больше превращается в идеал, и нет средства, противостоящего ей, помимо рехристианизации.*

Области Европы, обладающие высокой культурой со времен античности, в том числе земли Франции, Германии, сверхмодернизированного Бенилюкса, с точки зрения веры ныне могут рассматриваться наравне с Амазонией. С тем незначительным отличием, что кое-где всё еще работает полиция (это плюс) и весьма строго взимаются налоги (это минус). И христианскому проповеднику следует действовать в каменных лесах мегаполи-

сов точно так же, как его коллеги действуют где-нибудь в тундре или тропических джунглях.

Рехристианизационная волна может прийти только от православия. Многочисленные деноминации протестантизма и разваливающееся на глазах единое сообщество католиков избрали путь адаптации к варварству, т.е. постепенной собственной варваризации.

Христианство в современной европеизированной ойкумене представляет собой россыпь островов в унылом океане культурной невнятицы, мешанины всего со всем, первобытного магизма. Или, может быть, не россыпь островов, а, скорее, ожерелье крепостей посреди пустыни.

Возрождение катехонической власти означает прежде всего не «укрепление обороны», а начало наступления. Войско выйдет из крепостей и примется преобразовать пустыню в сады, иными словами, увеличивать ту самую территорию спасения... Как только новый «Удерживающий» окрепнет, ему предстоит миссия, превосходящее всё то, что может быть поставлено в заслугу предыдущим «удерживающим». Речь идет о духовном просвещении Старого света. Земли, от которых, по причине собственного бессилия и общей варваризации, отступили католики и протестанты, земли, где кирхи и католические церкви переходят к мусульманам, пестрым сборищам нью-эйджевцев, да просто используются как здания для удовлетворения каких-то светских нужд, эти земли должны постепенно переходить под церковную юрисдикцию православных иерархов. Эра католического прозелитизма исчерпана. Начинается эра неспешного переkreщивания католиков и протестантов в истинную веру, а в первую очередь тех, кто опустился до утраты всякой осмысленной религиозности. Хотелось бы подчеркнуть: успех этой новой глобальной миссии измеряется не только и даже не столько тем, сколько удастся крестить таджиков, китайцев, корейцев или индусов, но прежде всего тем, сколько русских и европейцев окажется в крестильной купели.

Москву часто ассоциируют с теми образами, которые стали частью ее культурного лица еще в XVI веке. Тогда ее часто называли вторым Иерусалимом, видя в Великом городе центр «нового Израиля», т.е. государства, где истинная вера сохраняется в чистоте и неприкосновенности, видя в нем также своего рода каменную чашу, куда перелилась благодать из Иерусалима древнего и иных городов, претендовавших на эту роль, — например, Киева. Реже именовали Москву Третьим Римом — новым средоточием имперской власти, оберегающей христианство. Впоследствии ампула Третьего Рима оказалось ведущим. Роли эти красивы, и хорошо будет, если град Москов вернется к полноценному их исполнению. Пока российская столица тянет груз собственного предназначения... слегка. В полруки. Не решаясь впрячься по-настоящему.

Однако сейчас одних этих старинных ролей недостаточно. Помимо гордого звания «Третьего Рима» и «Второго Иерусалима» городу пора становиться «Москвой единственной». А Москва единственная представляется собой город, откуда пойдет великая христианская реконкиста. Соответственно, миссия города — создать плеяду конкистадоров, способных повернуть в верном направлении колесо истории, погружающее христианство в закатную мглу.

Кому этим еще заняться, помимо Москвы?

Какой православный центр способен на это?

Уж верно, не Константинополь, первый по «чести» среди восточно-христианских иерархий, но в политическом и экономическом отношении совершенно бессильный. Фанариоты слишком несамостоятельны и слишком далеко ушли по пути подчинения внешним силам, чтобы претендовать на подобную роль. Верно сказано: «В ситуации вызовов различных глобальных идеологических систем современного мира Православная Церковь нуждается в собственном глобальном проекте — проекте мировой православной экспансии, — то есть последовательной борьбы за единственную Истину. Идеологическим, геополитическим и стратегическим центром этого глобального Православного проекта может быть только Россия...» (Елена Малер-Матиязова).

Можно долго, приводя веские аргументы, спорить о том, за каким из центров православия накоплено больше благочестия, больше святости и т.п. Но, во-первых, серьезная государственная сила может сопутствовать усилиям одной лишь Московской патриаршей кафедры. И, во-вторых, Русская церковь на протяжении XX века претерпела такой опыт мученического исповедничества за Христову веру, жизни в столь враждебных условиях, коих Фанар давно не знает. Наши архиереи, священники, дьяконы и простые иноки, умирая за веру, принимая жестокие испытания, теряя всякую надежду, помимо упования на Божью милость, создали духовную основу, на которой всякая ложь и фальшь церковной жизни слишком хорошо видна. И эта чистота, очищающая всё кривое и несправедливое, что может встать рядом с нею, — лучший фундамент для грядущей христианской реконкисты.

Чего не хватает Москве для того, чтобы приступить к исполнению этой новой роли? Не материальной мощи и не веры. Постепенно множится вера, и к тому моменту, когда потребуется действие, её станет достаточно.

Нет. Не в том камень преткновения.

Сегодня Порфирородной требуется одно: уничтожить в себе то странное двоедушье, которое раздирает город. Москва-темная, Москва-пустая, Москва-тень должна согнуться.

Тогда у светлой ее души хватит сил на самую великую миссию.

Гибель империи в зеркале слова

Экштут С.А. **Закат империи. От порядка к хаосу.** М.: Вече, 2012.

Начать хотелось бы с того, что новая книга Семена Аркадьевича Экштута, вне всякого сомнения, — вполне академический по характеру труд ученого высочайшей квалификации. Акцентировать на этом внимание не было бы необходимости, если бы не желание некоторых коллег любую читабельную научную книгу отправлять по ведомству «науч-попа», само понятие какового кажется мне довольно сомнительным. «Закат империи» — солидная, фундированная источниками (и, между прочим, утвержденная Ученым советом академического института) монография. А то, что она читается с интересом и написана человеком, обладающим, помимо исследовательского, ещё и ярким литературным даром, — очевидное достоинство. То, что она написана свободно, без оглядки на иные (излишние, быть может) «правила хорошего тона» — тоже великолепно. Признанный мастер исторического знания имеет право писать так, как он считает нужным.

Семен Аркадьевич продолжает в этой работе исследование двух сторон русской культурной жизни предреволюционного периода. С одной стороны, он берет в качестве исторического источника русскую литературу и оценивает отражение в ней социальной реальности. С другой стороны, и для данной книги это главная тема, — он исследует литературу как источник по истории мысли, и оценивает уже моделирование реальности литераторами. Моделирование, нашедшее в умах образованных слоев итоговое выражение, в том числе, и в протестных настроениях, в идеологии революционного характера. Только один из путей, ведущих к катастрофе, — но важность его в книге показана.

Автор справедливо подмечает парадоксальное обстоятельство — антибуржуазные настроения в российском образованном слое бурнее всего выражали те, кто более всего выиграл от пореформенного уклада. Действительно, популярный писатель, вполне сопоставимый со средним, а то и крупным предпринимателем или помещиком, оказывался чаще всего более яростным противником складывающегося строя, чем какой-нибудь мечтавший о «развитии капитализма в России» кадетский профессор. Притом, что последний имел существенно меньшие доходы (что едва ли, кстати, справедливо для любой эпохи модернизации). Всё равно, как если бы ныне рупорами уравнилительных настроений выступали звёзды шоу-бизнеса... В книге много ярких находок, иногда кажущихся почти случайными, но от этого не менее глубоких, демонстрирующих силу авторской интуиции. Только один пример — намеченное одной-единственной строкой, заголовком одной из глав, сопоставление «Толстой — Ницше».

Книга заставляет задуматься, наводит на размышления. Конечно, не все оценки автора вызывают однозначное согласие. И не всё, что хотелось бы увидеть в исполнении Семена Аркадьевича по рассматриваемой теме, удалось найти на этих страницах. Однако именно как почва для размышлений, для самостоятельных раздумий читателя — такая яркая и мудрая работа ценна вдвойне. Можно лишь поблагодарить автора за её появление.

С.В.Алексеев

Малые страны в большой политике

Степанов А.И. **Бернский дневник посла России.1992-1999.** – М.: Международные отношения, 2011.

Книга видного ученого и дипломата А.И. Степанова «Бернский дневник посла России.1992-1999», вышедшая в издательстве «Международные отношения», завершает трилогию, посвященную истории отношений России со Швейцарской Конфедерацией и

Княжеством Лихтенштейн. Этому труду предшествовали «Незнакомый Лихтенштейн глазами первого российского посла» (2002 г.) и «Русские и швейцарцы. Записки дипломата» (2006 г.).

Автор обозначил жанр своей новой работы как дневник. Однако нельзя сказать, что «чистота» жанра соблюдена «от доски до доски». По существу мы имеем здесь «три жанра в одном»: первую часть работы с полным основанием следует квалифицировать как историческое исследование, вторая ее часть – собственно сам дневник – сочетает в себе черты мемуаров и политической хроники развития российско-швейцарских связей в 90-е прошлого столетия. Книга дает прекрасную возможность не только проследить их важные этапы, но и заглянуть за кулисы дипломатической жизни, познакомиться в лицах с теми, кто ее вершит. Деятельность и жизнь посольства России в Берне освещается скрупулезно – день за днем, месяц за месяцем, год за годом, позволяя почувствовать биение пульса жизни посольского коллектива, напряженную динамику дипломатической активности. Автор выступает отнюдь не сухим летописцем, он – активный участник дипломатического процесса, дает свою собственную интерпретацию описываемых событий, порой весьма критичную, в том числе и по отношению к самому себе и коллективу, который он возглавлял на протяжении семи лет в качестве посла России. Личные суждения и наблюдения, изложенные автором ясным живым языком, делают книгу особенно интересной. Несомненную ценность представляет и предпринятое автором исследование истории российско-швейцарских отношений, базирующееся на обширных документально-архивных материалах. Все это делает данную работу ценным вкладом в изучение двусторонних связей России с такой страной, как Швейцария, относящейся к так называемым малым странам.

Господствующий долгое время после второй мировой войны взгляды школы политического реализма отводил малым странам исключительно вспомогательную роль в международных отношениях, считая, что они обречены на зависимое подконтрольное существование; лишь крупные, великие державы могут позволить себе проводить самостоятельный внешнеполитический курс. И действительно в тех условиях малые страны были вынуждены строить свою политическую стратегию с оглядкой на великие державы, прежде всего две сверхдержавы – США и СССР, которые формировали биполярную систему международных отношений. И все же в реальной международной жизни малые страны смогли найти свою собственную нишу в ней, внося свой неповторимый вклад в решение конкретных проблем и вызовов, с которыми сталкивалось международное сообщество.

В современных условиях, когда мир стремительно меняется, и взамен традиционной совокупности суверенных государств, отношения между которыми могут иметь самый разный характер, возникает все более связанный между собой цивилизационными и производственными отношениями конгломерат, то прежние критерии оценки роли отдельных стран в международных отношениях подлежат пересмотру.

Традиционные показатели – военная сила, размеры территории и населения, финансовые и иные ресурсы, определявшие роль и место отдельной страны в системе международных отношений, и сегодня весьма весомы. Однако все большую роль играют показатели качества жизни, открытость, наличие развитой системы образования и здравоохранения, уровень науки и культуры, уважение к правам человека. Иными словами – интенсивность развития экономики и политики государств, определяемая общественным строем, моделью политической системы и экономическим устройством. Чем совершеннее политическая система и общественный строй, тем эффективнее экономика, лояльнее граждане к своей стране. С этой точки зрения такая малая страна как Швейцария, завоевала широкий международный авторитет не только благодаря обеспечению высокого качества жизни своих граждан, их прав и свобод, но и своей особой роли в международных отношениях.

Традиционно внешняя политика Швейцарии зиждется на принципе нейтралитета, который наряду с принципами федерализма и прямой демократии, во многом «предопределяет» ее характер. Принцип нейтралитета пронизывал экономические, дипломатические

и военные аспекты внешней политики. Швейцарский нейтралитет в военной области означает неучастие в военных действиях. Согласно классическому определению, швейцарский нейтралитет предусматривает подготовку страны к самозащите, но она не участвует в военных действиях, если ее территория не подвергается агрессии. В условиях войны она призвана сохранять нейтралитет по отношению воюющих сторон.

Швейцария является нейтральным государством на протяжении почти двух столетий. Однако история страны знает периоды, когда швейцарцы не только вели многочисленные войны, но и даже имели прочную репутацию грозной силы в качестве наемников, как это было в эпоху Средневековья. «Снабжение» наемниками различных воинских формирований превратилось в эту эпоху в своего рода национальный отходный промысел швейцарцев: они воевали под различными флагами на европейском континенте, следуя лишь одному принципу: швейцарские полки не воюют между собой. И это было обусловлено не моральными запретами, а горьким опытом сокрушительного поражения, которое потерпели швейцарские полки в битве под Мориноно в северной Италии в 1515 г.. Это поражение показало ограниченность швейцарской силовой политики, предопределив на долгие годы нежелание швейцарцев участвовать во внешнеполитических военных авантюрах. Лишь в 1789 г., когда Франция вторглась в страну, швейцарцы были вынуждены вновь взяться за оружие, чтобы противодействовать военным батальям между французами и австрийцами за установление контроля над стратегически важными переходами в Альпах. Победа Франции привела к оккупации Швейцарии и потере нейтралитета на целых 16 лет, пока в 1815 г. он не был восстановлен. С тех пор нейтралитет Швейцарии официально признан международным сообществом, что позволяло стране остаться вне войн.

Наиболее серьезные вызовы стояли перед Швейцарией во время двух мировых войн, в которые оказались втянутыми большинство европейских стран. В годы первой мировой Швейцария находилась в окружении воюющих держав, но сама она счастливо избежала участия в войне, соблюдая полный нейтралитет. После войны Швейцария вступила в Лигу Наций, штаб квартира которой получила прописку в Женеве. Альпийская конфедерация проявляла готовность участвовать в коллективных экономических санкциях в отношении агрессоров, оставаясь на позициях вооруженного нейтралитета.

В канун второй мировой войны она снова оказалась в весьма опасной ситуации, когда на ее северных границах нависла серьезная угроза со стороны гитлеровской Германии, а на юге – режима Муссолини в Италии. Положение еще больше ухудшилось после того, как Германия аннексировала Австрию в 1938 г. и оккупировала в 1940 г. примыкающую к Швейцарии территорию Франции: страна оказалась в кольце стран агрессивного блока со всеми вытекающими из этого последствиями. И если до вторжения в Польшу в 1939 г. отношение нацистского правительства к Швейцарии оставалось в целом дружеским, то после начала военных действий ситуация в корне изменилась. Нацистский режим предпринял грубый нажим на Швейцарию, потребовав от нее разорвать торговые связи с союзными державами под угрозой объявления эмбарго на экспорт угля (из Германии поступало свыше 50 % поставляемого угля из-за границы) и переориентировать все свои военные поставки на Германию. Тем не менее, и на этот раз стране удалось остаться вне конфликта, сохранить свои границы неприкосновенными.

Забегая несколько вперед, отметим, что эхо второй мировой войны настигло Швейцарию спустя 50 лет после ее окончания. Швейцария подверглась мощной волне критики из-за рубежа в связи с сотрудничеством швейцарских властей с гитлеровской Германией. Сыпались обвинения в том, что швейцарский нейтралитет использовался ею для получения прибылей на войне. Главным объектом критики стали швейцарские частные банки, которых упрекали в присвоении не востребовавшихся вкладов жертв холокоста, а также Швейцарский национальный банк за скупку нацистского золота, отобранного у узников, сгинувших в газовых печах концентрационных лагерей. Под воздействие кампании в защиту жертв холокоста, проводимой с конца 80-х годов XX столетия особен-

но активно в США, в федеральный суд Нью-Йорка было подано большое количество исков к швейцарским банкам.

Вопрос приобрел столь острый и широкий резонанс - внутри страны и за рубежом, особенно в США и Великобритании, что швейцарский парламент пошел на беспрецедентный шаг, учредив специальную международную комиссию независимых экспертов под руководством профессора Ж-Ф. Бержье, встречу с которым описывает автор (с. 506). Ее задачей было дать объективную оценку подлинной роли Швейцарии в годы войны, исходя из реальных фактов. При этом центральным объектом анализа должен был стать не соблюдение принципа нейтралитета, а финансовые вопросы. Представленный комиссией доклад подтвердил, что Швейцария действительно вела экономическое сотрудничество с гитлеровской Германией во время войны, в частности швейцарское правительство предоставляло кредиты нацистскому рейху, объем которых превысил к концу войны около 1 млрд. швейцарских франков, а также разрешило беспрепятственный провоз немецких грузов по железной дороге через свою территорию. Оба этих факта, заключила комиссия, свидетельствовали о нарушении принципа нейтралитета страны. Выводы комиссии привели к глубокому расколу внутри страны: одни считали нейтралитет не чем иным как мифом, другие указывали на то, что сотрудничество явилось тем компромиссом, на который пришлось пойти Швейцарии во имя выживания страны, он диктовался грозной опасностью вторжения гитлеровских войск, которая реально висела над страной. Объективные наблюдатели указывали, что Швейцария противостояла нацизму на словах и на деле, она не преследовала и не депортировала еврейских беженцев, подобно вишистскому режиму во Франции.

Значение принципа нейтралитета для внешней политики Швейцарии существенно возросла после второй мировой войны, что было обусловлено стремление политических элит страны использовать его в качестве идеологического обоснования внешнеполитического курса страны. Примечательно что вскоре после войны, в марте 1946 г, Швейцария пошла на восстановление дипломатически отношений с Советским Союзом после почти четвертьвековой паузы.

Нормализация советско-швейцарских отношений пришлось на период «холодной войны», развязанной Западом против СССР. В известной мере ее можно рассматривать чем-то вроде доигрывания «войны горячей», только другими средствами. С широкой геополитической точки зрения она по существу явилась попыткой поменять в ней линию фронта, что стало мощнейшим генератором напряженности в отношениях между Востоком и Западом. В этих условиях Швейцария, справедливо считая себя частью Запада и разделяя его ценности, вместе с тем стремилась сохранить свое испытанное внешнеполитическое средство – политику нейтралитета, которую государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес назвал «аморальной». Берну приходилось проявлять большую гибкость в осуществлении своей традиционной линии, одновременно демонстрируя свою приверженность западному лагерю. ЭТО

Особенность швейцарской политики нейтралитета состоит в том, что в отличии, например, от Австрии и Финляндии, которые стремились смягчить опасения и недоверие Москвы, Швейцария, наоборот, мало принимало в расчет московский фактор. Тем не менее, она не могла полностью игнорировать эти опасения, подтверждение чему может служить отказ Швейцарии от разработки ядерного оружия, с одной стороны, и неучастие в Европейском сообществе – с другой. Швейцария гораздо жестче отстаивали прозападную линию, чем Финляндия и Австрия, и меньше учитывали чувствительность СССР. В то время как Финляндия и Австрия проявляли осторожность, пытаясь сочетать ориентацию своих экономик на Запад, одновременно поддерживая высокий уровень экономических отношений с СССР. Что касается экономических связей Швейцарии, как и еще одной нейтральной малой страны - Швеции, то они были весьма скромными – от 1.5 до 3 % экспорта направлялось в страны Восточной Европы и 2-3 % их импорта шло из этого региона в сравнении 14 % и 25-30 % экспорта Австрии и Финляндии соответственно.

Не удивительно, что СССР нередко пытался убедить Швейцарию и Швецию последовать примеру Австрии и Финляндии в проведении политики нейтралитета. Такой подход обосновывался тем, что такая политика создавала более благоприятные условия для предотвращения кризисов и войн, в то время как негативная стратегия нейтралитета не могла обеспечить безопасность нейтральных государств, особенно с учетом их ограниченных силовых возможностей.

Однако Берн предпочитал придерживаться своей традиционной линии, сочетая "Real Politik" с неспешным консервативным подходом к изменениям в международной жизни, что в целом способствовало укреплению универсального имиджа швейцарского нейтралитета. И даже тогда, когда в Швейцарии возросло понимание значимости европейского сотрудничества, что заставило ее пойти на участие в ряде интеграционных институтов, деятельность велась с оглядкой, осторожнее, чем это делала Швеция. По этой причине последняя сыграла более заметную роль, например в создании Европейской ассоциации свободной торговли и в строительстве «мостов» между этой организацией и Европейским сообществом.

С другой стороны весьма заметной оставалась рольерна в выполнении посреднических миссий. Подобно тому, как в годы второй мировой войны Швейцария являлась, возможно, главным каналом связи между союзниками и странами оси, действуя в качестве посредника между этими заклятыми врагами, так и после войны она выполняла деликатные посреднические миссии, как например, организация переговоров между Францией и ФНО Алжира в 1960 г., установление первого дипломатического контакта в 1984 г. между представителями Британии и Аргентины после войны за Фолкленские острова. Менее успешной оказалась посредническая миссия между США и Ираном в 1980-81 гг., направленная на разрешение кризиса, связанного с захватом заложников. В 90-е годы именно представитель Швейцарии Тим Гульдманн стал главой миссии ОБСЕ в Грозном. Действуя в качестве «честного маклера» он сумел завоевать доверие обеих сторон, и установить прямые контакты между враждующими сторонами (с.456). Во многом благодаря посредническим усилиям, стал возможным приезд З. Яндарбиева в Москву, его прием в Кремле и подписании договоренностей о прекращении военных действий.

«Холодная война» оказывала серьезное негативное воздействие и на восприятие советских лидеров политики малых стран, мешая порой видеть ее важные нюансы и отличия (с.24). Даже в короткую «оттепель» середины 1950-х годов подходы советской дипломатии на направлении малых стран мало чем отличались от предыдущих лет, практически обходили вниманием изменения, происходившие в мире (с.32). С другой стороны недоверие швейцарской дипломатии к советскому режиму делало развитие двустороннего сотрудничества трудным даже в таких областях, как образование и культура (с.15-16). Что касается политического диалога между двумя странами, то в этой сфере так и не удалось качественно преломить ситуацию. «Только с началом разрядки между Востоком и Западом, - отмечал швейцарский дипломат, - политический диалог между Швейцарии и СССР получил новые импульсы, особенно после основания в семидесятых годах совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Решающим поворотным пунктом явились внутренние реформы в Советском Союзе, что означало и более открытую внешнюю политику в конце 80-х годов. Очень скоро обнаружился огромный потенциал, чтобы наверстать упущенное во всех сферах двусторонних отношений» (с.42). И действительно в условиях открытости Советского Союза довольно быстро стали развиваться контакты людей, стремившихся лучше узнать историю и культуру друг друга, наметились качественные сдвиги в двустороннем сотрудничестве, что получило отражение в документах подписанных представителями двух стран. В 1985 г. на швейцарской земле состоялась первая за всю историю двусторонних отношений встреча М.С. Горбачева и президента Швейцарии К.Фуглера.

Однако у этого процесса было и другое измерение. Швейцарское видение причин «решающего поворота» в отношениях с Советским Союзом по существу отражало гос-

подствующий на Западе взгляд, согласно которому подпись Москвы под Заключительным актом трактовалась как ее согласие на иностранное вмешательство во внутренние дела СССР и на радикальную трансформацию советского общества. Заключительный акт виделся скорее как инструмент массированного, системного и планомерного давления на СССР. В хельсинкском процессе усмотрели новый метод ведения холодной войны, способ выиграть ее нестандартными средствами. СССР не сразу осознал, что ему предлагается заплатить за европейскую безопасность, в которой были кровно заинтересованы и Запад и Восток, гораздо дороже, чем он может. Цена ей стала гибель СССР. С учетом этого 1991 год выявил не только очередную трагедию нашей истории, но и ее грустную иронию: мы выиграли Вторую мировую войну в союзе с государствами, от которых впоследствии потерпели сокрушительное поражение в «холодной войне».

Берн, едва успевший вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда разрядки, был, тем не менее, одним из первых, кто признал Российскую Федерацию в качестве правопреемницы Советского Союза. Тем самым была создана необходимая международно-правовая основа для новых отношений между двумя государствами. Их становление пришлось на чрезвычайно сложный и драматический период развития России, характеризованного глубоким социально-экономическим кризисом, разгулом коррупции и криминалитета, разрушением институтов экономики и государственного управления в стране, что вызвало серьезное недовольство населения. Запад стремился использовать эти трудности в своих собственных интересах, отодвинуть Россию на периферию международной жизни, а то и просто превратить в сырьевой придаток.

На этом фоне дипломатическая служба России в целом и посольство в Швейцарии в частности столкнулись с огромным вызовом, ответы на который были призваны способствовать решению важнейших проблем страны – укрепление государства, реформирование экономических и политических институтов страны, подъем экономики и повышение жизненного уровня и безопасности граждан. Бернский дневник посла России дает наглядное представление о заботах российских дипломатов в этот период и их усилиях, направленных на решение насущных вопросов, имеющих важное значение для судьбы страны.

Существенный интерес представляют страницы дневника, посвященные усилиям дипломатии по развитию политического диалога на высоком уровне между Москвой и Берном. Заметным итогом этих усилий стали визиты и переговоры между руководителями государства, правительства, министрами иностранных дел России и Швейцарии. Одновременно развивалось сотрудничество между правоохранительными и военными ведомствами, швейцарскими кантонами и российскими субъектами Федерации, свидетельством чего явились взаимные визиты министров внутренних дел, обороны, а также федерального прокурора Швейцарии и генерального прокурора России, представителей регионов. Политический диалог помог осуществить ряд крупных общественно-политических проектов, среди которых особое значение имели 50-летие Победы, 50-летие восстановления дипломатических отношений между СССР и Швейцарией и – особенно – 200-летие перехода армии А.В. Суворова через Альпы.

Политический диалог открывал и более благоприятные перспективы для расширения торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей, налаживания делового сотрудничества. Нарастанию «экономической дипломатии», которое стало одним из главных приоритетов в деятельности российского представительства в Берне, уделяется очень заметное место в дневнике. Особое внимание уделялось вопросам обеспечения притока швейцарских инвестиций в отечественную экономику, для чего посольство осуществляло широкие контакты с крупным бизнесом Альпийской республики.

Автор не скрывает серьезных трудностей, с которыми столкнулись швейцарские бизнесмены в России – коррупция, рейдерские захваты собственности швейцарских бизнесменов, равнодушие или попустительство российского чиновничества. Посольство не оставалось в стороне от этих дел, стремилось оказать посильную помощь, которая оказывалась, как правило, мало эффективной.

Не обойдена и тема борьбы с коррупцией и отмыванием мафиозных структур в швейцарских банках, в которую включились правоохранные органы двух стран. Так, освещается расследование дела крупной фирмы занимавшейся реставрацией кремлевских помещений, в результате которого в руках руководства прокуратур двух стран оказались «весьма важные документы». Однако опасения о том, что «оглашение или дальнейшая «разработка» этого дела «могли вызвать тектонические политические последствия для обоих государств», две столицы сочли за благо проявить «здоровый государственный подход» и не ворошить «муравейник» (с.393).

Данные сюжеты, понятно, не исчерпывают тематику дневника, она очень широка и разнообразна, излагается лаконично, но емко, что делает его чтение весьма занимательным, интересным и поучительным. Автор с большой теплотой пишет своих коллегам, швейцарских и других зарубежных дипломатов, находя для каждого свои собственные штришки их характера и профессиональных качеств. В целом бернский дневник наполнен серьезными размышлениями, нередко сдобренными юмором и самоиронией, несомненно, найдет заинтересованных читателей. Молодым дипломатам он может служить прекрасным путеводителем по современной дипломатии, умудренные профессионалы могут также найти в нем много полезного и интересного.

И.А.Володин

Сведения об авторах и аннотации статей

Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета.

Плотникова Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, декан факультета управления Московского университета им. С.Ю. Витте.

Легитимизация власти на начальных этапах христианизации Восточной Европы

Аннотация: В статье рассматриваются механизмы легитимизации политической власти в условиях утверждения христианской религии. Процесс анализируется на примерах Византии, Болгарии и Руси; характеризуется воздействие византийских и болгарских образцов на русскую религиозно-политическую культуру.

Ключевые слова: средние века, Древняя Русь, легитимизация власти, христианизация.

Alekseev, Sergey Viktorovich — Doctor of Science (history), head of the History Department at Moscow University for the Humanities.

Plotnikova Olga Anatolyevna - Doctor of Science (history), Dean of the Faculty of Management at S.J. Witte Moscow University.

Legitimation of power in the initial stages of conversion to Christianity in Eastern Europe

Abstract: This article discusses the mechanisms of legitimation of political authority in the approval of the Christian religion. The process is analyzed on the examples of the Byzantine Empire, Bulgaria and Russia; is characterized the impact of the Byzantine and Bulgarian models on Russian religious-political culture.

Keywords: Middle Ages, Ancient Russia, the legitimation of power, Christianization.

Инков Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета

Легкая пехота Александра Великого: токсоты и агриане

Аннотация: Статья посвящена истории легковооруженной пехоты в составе македонской армии IV в. до н.э. и роли подразделений токсотов и агриан в завоеваниях Александра Великого.

Ключевые слова: античность, военная история, Александр Македонский.

Inkov Alexandr Alexandrovich – Candidate of Science (history), Assoc. Prof., associate professor of History Department of Moscow University for the Humanities

Light infantry of Alexander the Great: toksots and agrians

Abstract: This article describes the history of lightly armed infantry in the Macedonian army of the IV. BC and the role of the units of toksots and agrians in the conquests of Alexander the Great.

Keywords: antique, military history, Alexander of Macedon.

Туманов Олег Нерусевич – кандидат исторических наук, председатель комиссии по международным связям Московской ассоциации туристических агентств, вице-президент Европейской туристской ассоциации стран Черного моря

Становление и развитие феномена заграничного путешествия русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX – начале XX в.

Аннотация: В статье анализируется становления и развитие феномена заграничного путешествия русских писателей и публицистов в Западную Европу. Рассматриваются побу-

дительные причины путешествий такого рода, описываются и анализируются впечатления русских образованных путешественников от западноевропейских стран.

Ключевые слова: история России, русские за границей, заграничное путешествие, русская литература, русская публицистика

Tumanov Oleg Nerusevich – Candidate of Science (history), chairman of the Commission for International Relations of the Moscow Association of Travel Agents, vice-president of the European Association of Tourism of the Black Sea

Formation and development of the phenomenon of foreign travel of Russian writers and publicists in Western Europe in the late XIX - early XX centuries.

Abstract: This article examines the emergence and development of the phenomenon of foreign travel of Russian writers and publicists in Western Europe. The paper considers the throughput has prompted the reasons for such travel, describes and analyzes the experiences of Russian educated travelers from Western countries.

Keywords: History of Russia, Russians abroad, foreign travel, Russian literature, Russian journalism

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса

Русский религиозный раскол

Аннотация: Очерк истории русского религиозного раскола XVII в. Автор описывает фактическую сторону событий, анализирует религиозно-культурные, социально-экономические факторы Раскола, его последствия для истории России.

Ключевые слова: история России, Раскол, старообрядчество.

Resnyansky Sergei Ivanovich – Doctor of Science (history), Professor, head of Philosophy and Culture Department at Russian State University for Tourism and Service

Russian religious schism

Abstract: Outline of the history of Russian religious schism in the XVII century. The author describes the events, analyzes the religious, cultural, socio-economic factors of Raskol and its implications for the history of Russia.

Keywords: History of Russia, Raskol, the Old Believers.

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Две Москвы

Аннотация: Историческое эссе, посвященное истории и современности Москвы.

Ключевые слова: Москва, история, культура, религия.

Volodihin Dmitry Michaylovich – Doctor of Science (history), associate professor of Sources Department at Historical Faculty of Lomonosov Moscow State University.

Two Moscows

Abstract: Historiosophical essay on the history and modern Moscow.

Keywords: Moscow, history, culture, religion.

Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета.

Гибель империи в зеркале слова

Аннотация: Рецензия на монографию С.А. Экштута «Закат империи. От порядка к хаосу» (М., 2012).

Ключевые слова: история России, предпосылки революции, русская литература.

Alekseev, Sergey Viktorovich – Doctor of Science (history), head of the History Department at Moscow University for the Humanities.

Fall of the Empire in the mirror of the word

Abstract: A review of the S.A. Ekshtut's monograph "The Decline of the Empire. From Order to Chaos" (Moscow, 2012).

Keywords: History of Russia, the prerequisites of the revolution, Russian literature.

Володин Иван Андреевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета

Малые страны в большой политике

Аннотация: рецензия на труд А.И. Степанова «Бернский дневник посла России. 1992-1999» (Москва, 2011).

Ключевые слова: Россия, Швейцария, международные отношения.

Volodin Ivan Andreevich – Candidate of Science (history), Assoc. Prof., deputy head of the Department of International Relations and Diplomacy of Moscow University for the Humanities.

Small countries in big politics

Abstract: A review of the work of A.I. Stepanov "Russian Ambassador's Bern diary. 1992-1999." (Moscow, 2011).

Keywords: Russia, Switzerland, international relations.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков. Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Сноски даются постранично, нумерация сносок сквозная. В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет по прошествии года с момента его печатной публикации, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: ipo1972@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович